

ЧЕРЕЗ ОКЕАН — В АМЕРИКУ

Л. БРОТМАН.

Сразу по окончании замечательного полета на Далаши Восток Герой Советского Союза комбриг Владимир Коккиняк начал готовиться к новому рейсу. 18 июля прошлого года на даче у тов. Молотова был устроен прием в честь Коккиняка и Брандисского. На приеме присутствовали товарищи Сталин, Ворошилов, Катанович, Калинин, наркомом, выходящие летчики.

— Делать своими впечатлениями о полете на Восток, Коккиняк спросил товарища Сталина: — А можно теперь слетать на Запад?

— Ваш перелет уже показал возможности машины, — ответил товарищ Сталин. — Каждый человек помнит, что это расстояние машина сможет покрыть в любую сторону: на Восток или на Запад. — Да ведь хочется!

Товарищ Сталин рассмеялся. Затем он сказал, что полет над океаном представляет большие трудности чем полет над землей, посоветовал еще поработать над машиной, изучить ее еще лучше, чтобы лететь с полной уверенностью, и дал задание добиться определенных конкретных показателей.

— Хорошо, — ответил летчик. — Я Вам сейчас отчетно не буду и ничего пока про себя не буду. Сделаю прикидку, проверю, по-старому добьюсь этих показателей. Если выйдет, — можно придти? — Можно, — ответил товарищ Сталин.

Осенью началась серьезная кропотливая подготовка. Коккиняк проработал к работе штурмана майора Михаила Гордиенко.

Пилоты тренировались, изучали поведение самолетов в самых жестких стативных условиях. Полет решено было осуществлять на том же самолете «Москва», на котором был сделан прыжок к берегам Тихого океана. После перелета на Восток машина прошла самый крутой и сложный осмотр. Основные механизмы оказались в полном порядке. Техникам пришлось лишь сменить tires, поставить новые приборы и установить новые моторы.

Так шли дни. Однажды когда Коккиняк вернулся домой, его позвали к телефону. Ему снова сказали — это было уже второй раз в его жизни, — что с ним будет говорить товарищ Сталин.

— Как ваши дела, тов. Коккиняк? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Ваше задание, товарищ Сталин, выполнено: показатели получены.

— Это хорошо, — ответил товарищ Сталин. — Что же, зайдите, поговорим. Нам нужно собраться вместе с вами.

Пилот сказал товарищу Сталину, что независимо от разрешения полета в Америку, нужно уже сейчас поднять ходом готовит машину.

— А когда вы думаете лететь? — спросил товарищ Сталин. — Нужно, чтобы машина была готова к апрелю. Это значит — готовит сейчас.

— Хорошо, — ответил товарищ Сталин, — поговорим. Пропало еще немного времени, и принципиальное разрешение на подготовку к полету было дано. В середине апреля все было готово к старту, а 28 апреля, на предложение Коккиняка и Гордиенко улететь в Америку на самолете «Москва» конструкции инженера-орденоносца Ильюшина.

Это был первый полет из Москвы на американский континент, совершенный непосредственно через Западную Европу и Атлантический океан.

Попытки связать прямой воздушной дорогой два величайших континента делались неоднократно. Было несколько удачных полетов из Америки на острова и материк Европы, но почти все попытки пересечь океан в обратном направлении кончились неудачей из-за постоянных очень сильных ветров, дующих с запада на восток.

Трасса полета, намеченная отрывками советскими летчиками, проходила по ортодроме — кратчайшей линии, соединяющей две точки земного шара. Пилотам предстоял долгий, нелегкий путь, причем значительная его часть пролетала над водой. Климатические особенности трассы были изучены мало, но еще до старта было известно, что экипажу придется встретиться с туманами, со снежными шквалами, с мощными циклонами.

Так оказалось и в действительности. Лич в первом 500 километров экипаж проделал при безоблачном небе. Над Финским заливом и Скандинавией погода начала ухудшаться, и к моменту выхода в Атлантический океан (Нор-

вежское море) самолет летел уже в облаках. В слепом полете Коккиняк пробился к Исландии. Рейкьявик был закрыт облачной дымкой. Ориентировать по радио, самолет взял курс через Атлантику на мыс Фьрузль (Гренландия), несколько отклонившись в сторону из-за глубокого циклона, преграждавшего дорогу на запад. Сильный ветер на всем первом этапе значительно уменьшил скорость самолета. Машина шла на большой высоте, экипаж пользовался кислородными приборами. За Гренландией Коккиняк снова вел самолет колесую в облаках, над снежными шквалами.

Вашингтонское бюро погоды обещало, что метеорологическая обстановка на восточном побережье Америки будет более благоприятной. У берегов Лабрадора летчики встретили такую мощную облачность, что пришлось подняться на высоту 9 тысяч метров. Полет на этой высоте продолжался четыре часа. В сплошных облаках был пролен Лабрадор и залива Св. Лаврентия.

И вот Нью-Йорк неожиданно сообщил, что город закрыт сплошной многотурной облачностью, небоскребы окутаны туманом и посадка на аэродроме невозможна... Тем не менее Коккиняк героически пытался пробиться к Нью-Йорку. На высоте 9 километров, в облаках, самолет «Москва» прокладывал путь к югу. Из-за сильного мороза (—48°) вышел из строя радиомаяк. Таким образом, экипаж потерял вернейшее оружие для ориентировки в слепом полете. Навигация сложилась. Продолжать полет было невозможно.

Пришлось вернуться обратно на трассу. Когда самолет вышел из облаков, было уже темно. Визуально бестелега вода, лед. Заметив туман, экипаж вылетел на остров, Коккиняк прошел над ним бронешином полетом, убедившись в отсутствии возвышенностей и повел машину на посадку.

При посадке на неподготовленный аэродром самолет может скатиться (встать на нос), и в этом случае штурманская кабина будет сплошена, а находящийся в ней человек убит. Чтобы не рисковать жизнью товарища, Коккиняк решил послать машину на бронешином острове, выпуская шасси. Интуитивно выбрав в тем-

ноте наиболее подходящее место, он осторожно и бережно, под минимальным углом, подел тяжелый самолет к земле и опустил его на неровную, болотистую почву.

Экипаж остался невредим. У самолета были сломаны винты и повреждена правая моторная рама. Крылья, фюзеляж, все оборудование машины оказались в полной сохранности.

Перелет был закончен. За 22 часа 56 минут самолет покрыл без посадки 6516 километров по прямой и около 8 тысяч километров по фактически пройденному расстоянию. Средняя скорость полета определялась в 348 километров в час. В момент посадки в баках оставалось около 900 килограммов бензина.

1 мая во всех советских газетах была опубликована следующая телеграмма:

«Нью-Йорк, 1. V. Коккиняк, М. Гордиенко.

Горько поздравляем вас с блестящим завершением выдающегося перелета Москва — Северная Америка.

Ваш перелет, покрывший 8000 километров за 22 часа 56 минут, показал, что мужественные отважные советские летчики могут успешно решать труднейшие задачи мировой авиации.

Обнимаем вас, желаем здоровья и крепко жмем ваши руки.

По поручению Правительства СССР В. Молотов, И. Сталин.

Коккиняк и Гордиенко вписали еще одну прекрасную страницу в книгу побед советской авиации. СССР и Северная Америка соединены кратчайшей воздушной трассой через Атлантический океан. Еще раз на весь мир продемонстрированы замечательные качества советских самолетов, изумительная воля и мастерство советских пилотов, людей сталинской эпохи.

Перелет тт. Коккиняка и Гордиенко показывает, что советские самолеты могут летать куда угодно, а советские летчики — выполнять любой задание партии, правительства, родного товарища Сталина.

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
иллюстрированный журнал ЦК и МК ВЛКСМ

Год издания XVI № 5 май 1939 г.

В НОМЕРЕ:

- Л. БРОНТМАН — Через океан — в Америку!
Я. ХЕЛЕМСКИЙ — Подвиг (стихи).
- Их имена бессмертны (памяти А. Серова и П. Осипенко).
Пролетарский интернационализм (статья).
Оспрашиваем доверие партии большевиков! (статья).
- Д. ИЛЬИН — Калтава (стихи).
Манас (киргизский эпос, перевод Л. Пенковского).
- ЛИИ ЗУГСМИТ — Зеленый свет (рассказ).
БЕРГОЛЬД БРЕХТ — Шлик (сценка из быта фашистской Германии).
- ОГГО МЕЙЕР — Вопреки Гестапо (статья).
В. КОСТЫЛЕВ — Козьма Минин (отрывок из романа).
- КЛАРА БЛЮМ — Дже-ню (стихи).
М. МЕРЖАНОВ — Народная игра (очерк).
В. МУХИН — В родном селе (стихи).
А. ГИНЕВСКИЙ — Если завтра война... (очерк).
Заслуженный деятель искусства С. ГЕРАСИМОВ — Выставка молодых (статья).
Т. ТЭСС — Творчество (очерк).
- Академик Б. КЕЛЛЕР — Студенческие годы (из воспоминаний).
БЕСЕДЫ С ЧИТАТЕЛЕМ: С Карамоленко — О коммунистическом отношении к труду.
О. ЗИВ — Бюль о советской молодежи (рецензия).
- А. РАБИНОВИЧ — Театр станции Вешенской (очерк).
В. ЧЕРНЕНКО — «Я всегда танцюю» (фильм).
- Шахматы. Кроссворд.

Рисунки: Л. Дубчанова, Н. Ласа, Д. Дубинского, И. Гринштейна, Б. Лебедева, А. Шульца, С. Расторгуева.

Фото: А. Гаранина, Р. Бонадио, Б. Фишмана, М. Аваньяна, М. Гехтмана, И. Фауруса, И. Гуцича, П. Тромкина, С. Васина, Л. Мазруко, В. Гребнева.

На обложке: Перед экзаменом (фото А. Гаранина). На обороте обложки: В. Забайкалье (фото В. Гребнева).

Фото С. Коршунова

Герой Советского Союза командир В. К. Коккинаки и майор М. Х. Гордиенко.

ПОДВИГ

Мы нанесем на школьный глобус	На Запад новый путь оты- скан.
Их удивительный маршрут. Ни ярость вод, ни ветра злоба	Лететь сквозь бури нелегко, Но мы запомним слово «близко»,
Его вовеки не сотрут.	Забудем слово «далеко».
Нет! Не под силу ураганам Остановить полет орла. Над укрощенным океаном Прямая линия легла.	Во имя Сталина, во славу Все постигающей страны Свершила подвиг величайший Ее крылатые сыны.

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ.

Их мислетта бессмертны

11 мая при исполнении служебных обязанностей погибли во время воздушной катастрофы выдающиеся летчики нашей страны Герои Советского Союза комбриг А. К. Серов и майор П. Д. Осипенко.

Уральский рабочий Анатолий Серов и украинская крестьянка Полина Осипенко являлись подлинными народными героями, впитавшими в себя мудрость и смелость, простоту и сердечность великого советского народа.

Анатолий Серов по праву может быть назван молодым героем нашего времени. Его жизненный путь типичен для многих. Сын рабочего-горняка, сталевар, он в 1929 году по путевке комсомола поступает в ряды Военно-воздушных сил РККА.

Уже через год после окончания оренбургской летной школы имени К. Е. Ворошилова Анатолий Серов командует звеном истребителей. Затем — служба на Дальнем Востоке, учеба в Военно-воздушной академии РККА, разбита летчиком-испытателем, и в 28 лет становится на начальником Главной летной инспекции Военно-воздушных сил РККА.

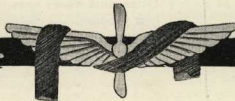
Анатолий Серов блестяще выполнил целый ряд исключительно ответственных заданий советского правительства и был награжден тремя орденами Союза и званием Героя Советского Союза.

Полина Осипенко — дочь украинского крестьянина, в прошлом батрачка, затем колхозница. В 1932 году облылась заветная мечта Полины — стать летчицей. Она поступает в школу летчиков. По окончании школы Полина Осипенко работает в истребительной авиации. За короткий срок Полина Осипенко устанавливает 5 международных рекордов. Совсем недавно весь мир был удивлен отвагой и выдержкой экипажа самолета «Родина», в составе которого была и Полина Осипенко.

Полина Осипенко была награждена тремя орденами Союза и удостоена звания Героя Советского Союза.

Смерть вырвала из наших рядов прекрасных воспитанников ленинского комсомола, славных сталинских соколов, чудесных людей, любящих свой народ и любимых народом.

Анатолия Серова и Полину Осипенко никогда не забудет советский народ, советская молодежь.

Б. Федосеева.

Красная площадь (ископанора).

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

1 мая 1886 года на площади Хэймаркет, в Чикаго, состоялся многотысячный рабочий митинг. В городе бастовало 600 тысяч железнодорожников, строителей, металлистов. Они требовали от предпринимателей установления 8-часового рабочего дня. Ораторы бросали в наэлектризованную массу забастовщиков призывы к объединению.

Буржуазия решила жестоко расправиться с забастовщиками. На площадь Хэймаркет, оцепленную отрядами полиции, с явной провокационной целью была брошена бомба. Немедленно началась жестокая расправа с участниками митинга. Ни в чем неповинных рабочих арестовали, предали суду и приговорили к смертной казни.

Гнусная провокация, кровавая бойня на площади и казнь нескольких забастовщиков всколыхнули рабочих Соединенных штатов Америки. В декабре 1888 года Американская федерация труда решила в честь героического выступления чикагских рабочих ежегодно проводить 1 мая демонстрации под лозунгами борьбы с капиталом.

Через шесть месяцев, в июле 1889 года, международный конгресс социалистов в Париже, по предложению Поля Лафарга, вынес решение организовать 1 мая 1890 года международную манифестацию во всех странах с требованием 8-часового рабочего дня.

Первая международная демонстрация пролетариата в 1890 году привела исключительное впечатление на Фридриха Энгельса.

Великий друг и соратник Маркса в своем предисловии к «Манифесту Коммунистической партии», написанном в день первой маявки, говорил:

«...сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат произвел смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в единую армию, под единым знаменем... И зрелище сегодняшнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетариат всех стран сегодня действительно соединился».

О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!

Уже первые маявки показали, что рабочие ставят перед майскими манифестациями значительные задачи, чем хотелось бы оппортунистическим руководителям социал-демократических партий. Рабочие прямо выступали на первомайских демонстрациях за 8-часовой рабочий день, за социализм, против милитаризма.

Оппортунисты из германской социал-демократической партии вытравили революционное содержание из первомайских лозунгов, спрятали организацию забастовок, всячески стараясь превратить революционные маявки в безобидные семейные прогулки за городом. А во время первой империалистической войны социал-оппортунисты из II интернационала пытались в своем официальном решении и вовсе отменить празднование 1 Мая.

Но изменникам и предателям из II интернационала не удалось похоронить великую идею пролетарского интернационализма.

Первомайские демонстрации в России, руководимые большевиками, проводились под яркими выраженными политическими лозунгами: против капитализма, эксплуатации, против царского правительств.

Многие первомайские забастовки и демонстрации остались навсегда в истории русского революционного движения. К таким маявкам относятся варшавская (1890 год), харьковская (1900 год), петербургская (1901 год), сормовская (1902 год), тифлисская (организованная в 1901 году товарищем Сталиным) и другие.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистический

Интернационал взял на себя организацию международного празднования 1 Мая. И вновь на красных стигах первомайских демонстраций в Англии, Франции, Америке, Японии и в других капиталистических странах появились боевые революционные лозунги.

В этом году трудящиеся всего мира отметили пятидесятилетие 1 Мая в обстановке начавшейся второй империалистической войны.

Свыше пятисот миллионов людей уже вступили фашистскими агрессорами в кровавую бойню. Германия, Япония, Италия, пользуясь капиталистической политикой Англии и Франции, насильственно захватывают чужие территории. Фашистские заправилы пытаются в войне и интервенции найти выход из тупика, в который они завели свои страны.

В этом году трудящиеся капиталистических стран несмотря на террор и преследования написали на своих первомайских знаменах боевой коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Народные массы всех стран объединяются для борьбы с фашизмом, для защиты от агрессоров первого в мире социалистического государства — СССР, Победы Советской страны, где уже осуществлена первая стадия коммунизма, где нет эксплуатации человека человеком и где действует самая демократическая в мире Сталинская Конституция, международный пролетариат ищет мощную опору в своей борьбе против капитализма.

В СССР — стране победившего социализма — первомайские лозунги отразили те колоссальные успехи, которых добился советский народ под руководством партии Ленина — Сталина. Под этими лозунгами советские патриоты еще теснее сплачиваются для выполнения грандиозных работ, намеченных XVIII съездом ВКП(б) в третьем пятилетнем плане — плане строительства коммунизма.

1 Мая советский народ продемонстрировал свою солидарность с трудящимися капиталистических стран и в первую очередь с народом Китая, Чехо-Словакии, Испании, Албании, Абиссинии, которым наша страна оказывала и оказывает моральную поддержку в их борьбе против фашистских агрессоров.

В этот любительный первомайский праздник советский народ еще и еще раз продемонстрировал свою верность великим идеям Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, идеям пролетарского интернационализма, свою неуправляемую преданность коммунистической партии, свою любовь к великому вождю трудящихся всего мира — родному Сталину.

КЛЯТВА

Эрнсту Тельману

Я клянусь великой клятвой
Перед всей моей страной.
Пусть к тебе приходит клятва,
Непреклонна и строга,
Через каменные стены,
Через страшные конюны,
Дорогой далекий Тельман,
Палиник ярого врага!

Я клянусь тебе сердцами
Братьев русских, братьев венских,
Братьев гамбургских, мадридских —
Комсомолец всей земли,
У кого не дрогнут руки,
У кого избыток силы,
У кого отны в сраженьях
Рядом с Лениным прошли.

Я клянусь в минуты боя
Под огнем, свинцом и сталью —
Жить. Изыранным — сражаться,
Но врага не пощадить!
Не жалеть последней булки,
Не жалеть штыка. А если
Раздробится штык, прикладом
Ярого врага добить.

Д. ИЛЬИН

ОПРАВДАЕМ ДОВЕРИЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Советский народ вдохновенно работает над выполнением величественной программы третьей сталинской пятилетки. Мужайший доклад товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) и исторические решения съезда поставили перед комсомольцами и всей советской молодежью новые большие и ответственные задачи.

Состоявшийся в апреле очередной, VIII пленум ЦК ВЛКСМ обрел важнейшие вопросы деятельности нашего союза.

Принятое пленумом постановление по докладу секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Михалюка о работе организаций ВЛКСМ в связи с решением XVIII съезда ВКП(б) — боевая программа действий для каждого комсомольца, каждой первичной комсомольской организации.

* * *

Большевистская партия, Ленин и Сталин всегда ставили перед комсомолом в качестве главной его задачи воспитание молодежи в духе коммунизма. И сейчас, когда коммунистическое воспитание трудящихся, ликвидация пережитков капитализма в сознании имеют решающее значение для успеха нашего дела, воспитательная деятельность комсомолов должна приобрести особый размах.

Коммунистическое воспитание молодежи не мыслимо без ее активной роли во всей практической работе по строительству коммунизма. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами (Ленин).

Советский Союз в течение 10—15 лет должен догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны. Выполнение третьей пятилетки предопределяет успешное разрешение этой исторической задачи. Неизмеримо вырастет производственная мощь страны. Под несколько примеров. Между Волгой и Уралом в годы третьей пятилетки будет создана новая мощная нефтяная база. Нефтеперерабатывающие заводы Второго Баку дадут 6 миллионов тонн нефти. В Подмосковном бассейне добывалось 22 тысячи тонн угля в сутки. Партия и правительство наметили достичь этого к концу 1949 года — до 100 тысяч тонн. Железнодорожная сеть СССР обогатится новой магистралью Акмолинск—Каргала, общей протяженностью в 806 километров. Новая железная дорога почти вдвое сократит путь угля из Кадорки в Магнитогорск.

Что может быть более почетным, чем работать на этих великих стройках? А Куйбышевский гидроузел, а Днепр, Советск, какие замечательные перспективы, какие увлекательные дела!

Отраза чувства и мысли миллионов комсомольцев, VIII пленум ЦК ВЛКСМ установила шефство комсомола над крупнейшей стройкой третьей пятилетки над республичными участками народного хозяйства и оборонной работы. Комсомол борется за создание большого морского и океанского флота СССР, за успешное строительство Дворца Советов, за успешное строительство новой железной дороги Акмолинск—Каргала и «Амурстальстроя». Это шефство обязывает каждого комсомольца. Оно должно носить деловой и практический характер.

Комсомол должен также помочь колхозному селу выполнить призыв любимого вождя товарища Сталина: «опустать» для наступления коммунизма в деревне. Это — задача около полутора миллиона молодых колхозников.

Сегодня молодежь Советской страны, как и в дни предвоенского соревнования, охвачена новым мужичим производственным подъемом. Возлагая в творческой работе на молодежь, широко разъяснить ей исторические решения XVIII съезда

ВКП(б) и мобилизовать всех комсомольцев и молодежь на большевистское выполнение этих решительных и неотложных задач, которую ставил XVIII пленум ЦК ВЛКСМ перед всеми организациями комсомола.

* * *

Комсомол справится с этими задачами только при условии крутого поворота во всей деятельности. Что же означает этот поворот?

Смысл его заключается в том, чтобы комсомол как можно скорее избавился от чрезмерного увлечения внутрисюзовыми вопросами и вплотную занялся задачами коммунистического строительства.

Не нужно забывать, что враги народа приложили немало усилий к тому, чтобы оторвать комсомол от задач хозяйственного строительства. Но почему быстрой ликвидацией последствий вредительства в этой области, выполнением указаний партии о крутом повороте всей комсомольской работы в сторону государственной и хозяйственных задач и есть то главное, над чем серьезно должны поработать комсомольские организации.

Товарищ Жданов в своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) говорил:

«Внутрикомсомольская работа — очень важное дело. Но во имя чего она должна вестись? Ведь она не может быть самоцелью. Я думаю, что вся комсомольская работа должна быть направлена на подготовку комсомольцев для активной государственной и партийной деятельности, на реализацию той важнейшей задачи комсомола, которая связана с его ролью в нашей партии. Восемнадцатый съезд ВКП(б) в Уставе партии специальный раздел «Партия и комсомол», касавшийся комсомола, свидетельствует о беспрецедентном доверии большевистской партии к своему славному боевому помощнику.

По новому Уставу, в партию принимается молодежь от 18-летнего возраста.

Комсомольские организации должны быть активными проводниками партийных директив, особенно там, где нет первичных партийных организаций. А таких организаций в СССР насчитывается 125 975 организаций комсомола в колхозах, где нет первичных партийных организаций.

В соответствии с Уставом партии, комсомольские организации имеют право широкой инициативы в обсуждениях и постановке перед соответствующими парторганизациями всех вопросов работы предприятия, колхоза, совхоза, учреждения... Этим самым отпадает необходимость возможности для роста и выдвижения молодых кадров.

* * *

Для того чтобы осуществить крутой поворот в своей деятельности, комсомол должен всю свою интеллигентную государственную работу сочетать с настойчивой марксистско-ленинской учебой, с глубоким изучением «Краткого курса истории ВКП(б)».

Заслушавшие на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ доклад ЦК комсомола Белоруссии и Ленинградского обкома ВЛКСМ «О выполнении постановления ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ о пропаганде» показали, что в пропагандистской работе все еще имеются крупные недостатки.

Многие комсомольские активисты еще не показывают личного примера в овладении революционной теорией. Заведующий отделом молодёжи Гомельского обкома комсомола тов. Айраковский не, смущаясь, признается, что у него не хватил времени прочесть хотя бы одну страницу из «Краткого курса истории ВКП(б)». На «знаменитые» съезды и пленумы ЦК ВЛКСМ Белоруссии т. Печуринко. Он говорит: «С работой прихожу в 11—12 часов ночи. Художественную литературу совсем не читаю.

Очень редко и мало удается урвать время для того, чтобы заглянуть (?) в «Краткий курс истории ВКП(б)». Такие активисты, которые не борются всерьез за повышение своего идейно-политического уровня, конечно, не смогут воспитать молодежь.

До конца и полностью выполнять постановления ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ — задача не только каждого комсомольца, но и каждой организации комсомола.

* * *

Громадное значение имеют решения по организационным вопросам, принятые VIII пленумом ЦК ВЛКСМ.

В ЦК ВЛКСМ, ЦК комсомола союзных республик и в райкомов ВЛКСМ созданы отделы кадров комсомольских организаций и организационно-инструкторские отделы. Это мероприятие, несомненно, улучшит руководство местными организациями и будет содействовать созданию истинно большевистского порядка в деле учета, подбора и выращивания комсомольских кадров.

Решение пленума о введении должности секретаря райкома среди школьной молодежи и шире говорит о том большом внимании, которое уделяется сейчас школьным комсомольским организациям.

В аппаратах руководящих органов комсомола и райкомов ВЛКСМ и в конце ЦК ВЛКСМ созданы военно-физкультурные отделы. Их роль неизмеримо велика. Наша молодежь воспитывается в духе советского патриотизма. Неоднократно оказавшись товарища Сталина коммунистическом оружии и международных события последнего времени обмывают комсомол и дальше крепить мобилизационную готовность советской молодежи. Советская молодежь должна быть готова к тому, чтобы по первому угову партии и правительства с оружием в руках выступить на защиту своей любимой родины.

В руководящих комсомольских организациях нужны новые кадры, безгранично преданные великому делу Ленина—Сталина. Смелое выдвижение молодых кадров целиком себе оправдало. Достаточно ограничиться одним примером. Когда на днях 20-летний комсомольский активист Клавдия Сахарова была рядовым членом организации. А ныне она орденской депутат Верховного Совета СССР, секретарь Ивановского райкома ВЛКСМ и активисткой комсомольского выдвижения новых кадров комсомольских работников создаются самые благоприятные условия. По решению пленума считается возможным избрание на руководящую комсомольскую работу секретарями обкомов, крайкомов, ЦК комсомола союзных республик — комсомольцев с 3-летним комсомольским стажем; секретарями в 2-летним комсомольским стажем.

Новый подъем всей работы комсомола не мыслим без чуткого отношения к рядовым комсомольцам. Права членом ВЛКСМ должны тщательно следить за повышением качества работы, за усердием и укреплением внутрисюзового демократизма, дисциплинированности и организованности в комсомольских организациях.

Очень раз и навсегда кончить с практикой «биологического» подхода к молодежи. Руководствуясь указаниями товарища Сталина о том, что «сын за отца не отвечает», VIII пленум ЦК ВЛКСМ постановил считать неприемлемым исключение из ВЛКСМ комсомольцев по признакам их родства с социально чуждыми элементами.

* * *

Такова боевая программа действий Ленинского Сталинского комсомола, намеченная VIII пленумом Центрального Комитета ВЛКСМ.

Можно быть уверенным, что комсомол, как и в дни предвоенного соревнования, справится со своими новыми задачами и приложит все силы к тому, чтобы выполнить исторические решения XVIII съезда ВКП(б) и в честь 25-летия Октябрьской революции и годовщины победы в Отечественной войне товарища Сталина.

Поручу тому — беспредельная преданность молодого поколения советского народа великой неодолимой большевистской партии и ее мудрому вождю товарищу Сталину.

МАНАС

Отрывок из главы «Ссора Чубака с Алмамбетом»

Что такое «Манас»? Это грандиозная эпопея, созданная в древности бесчисленными певцами и киргизского народа. Монументальная поэма в 240 тысяч строк была сложена в XII—XIII веках и дошла до нашего времени в незначительном виде. От поколения к поколению, на уст и уста передавали «манасы» (певцы «Манаса») стихи этой поэмы, которую только в 1926 году удалось впервые записать полностью.

Манас — герой поэмы — киргизский хан, богатырь фантастической силы, борен за независимость своей страны. В отрывке, который мы печатаем, описывается следующий эпизод.

Батыра Манаса находят на пути в Китай. Достигнув подступов к Мазому Бейджику, Манас высылает своего соратника Алмамбета в разведку. Соратник Алмамбета — Чубак, считавший себя обойденным, поднимает бунт, сводит в погоню за Алмамбетом с намерением его убить. Оба богатыря уже знают друг над друга меч. Прискакавший и месту посланца Манас разнимает богатырей, жестоко их браня.

Иллюстрация художников Г. Петрова и И. Костылева к книге «Великий поединок» (часть поэмы «Манас»), выпускаемой Гослитиздатом.

— Стали кони, беснуясь, ржать,
Два батыра¹ своих коней
Долго не могли сдержать.
Друг у друга над головой
Держали булаты оба они,
Бранили друг друга злобно они,
Стояли наготове они.
Только друг друга рубить не решались они:
Ведь были друзьями когда-то они —
Боялись дружеской крови они.
Всполохнулся батыр Манас,
«Чубак, Алма², бойцы мои,
Герои, близнецы мои!
Разрушающие миры
Храбрые кабанцы³ мои,
Буйные оксамы мои,
Булаты алмазные мои,
Грозные секмы мои,
Доблестные батыры мои!
Крепость вы крепчайшая мне,
Опора величайшая мне!»

Великодушный Кровопронилитель Манас
Правой рукой схватил Сарула⁴,
Левой рукой схватил Кагаула⁵,
Во всю ширь своих длинных рук
На две стороны их развел,
Держал обоих коней под уздцы.

Как разъяренные самцы,
Не унимались, однако, бойцы,
«Э, злые глумцы,
Э, поганые горцы!»
Видел ли кто упорных тапих,
Несговорчиво-вздорных тапих?
Оказываются, — и нонял вас!
Оказываются, меня предать?
Вы злоумыслили в грозный час?
Хотели войску рассеять мои?
Золото капыс моей
Задумали развезть вы?

Задумали повернуть в Талас,
Зад Бейджику показать?
Манас-Кровопронилителя вы
Хотите, оказывается, связать!
Открыть неприятелю путь в Талас,
Поганцы, не хотите ли вы?
Будет расправа моя недолга!
Сами пришедшие издалека,
Войны храбрые вы мои,

Доблестные львы мои,
Алмамбет мой и мой Чубак!
Заставили вы меня горевать!
Когда в широком Таласе моем
Косвую лажку я с вами делал,
Когда мы там наслаждались втроем,
Кумысом оживаясь днем,
Красавиц нежа по ночам, —
Я думал, потрися коньком:
«Коль со мной кабан Алмамбет,
Коль со мной кождак⁶ Чубак,
Равных нам героев нет —
С вами весь мир я покорою,
Восседаю тысяч миров?»
Станут жертвой моих побед!
Чистейшую правду я говорю:
Стали мне вы, два поганца, теперь поперек!
Оказываются, Манас-арстан⁷!
В доушину вы не попались мог!

Э, зловрами ваши дочери будут,
Погнibel ваша не в очередь будет!
Вовсе не так далек Бейджики:
Разведку совершу один,
Вернусь — ополечу людей,
Без вас на Бейджики пушу людей,
Без вас коней на Бейджики пушу!
А вам, двум скудоумным скотам,

Я, у зот Бейджики вступить не дам!
Ну, друг друга режьте скорей,
Батыра Манаса потешьте скорей,
Я вам, гауница, в этом деле согласен помочь!»

Алмамбета, что справа был,
Он отшвырнул направо прочь:
«Да будет двояво твоя дочь!»
Чубака, что слева был,
Шамыруда смерено надело Манас.
Не на шутку он был серат:
Клохотал весь гневом Манас,
Вздвигался каждый волос на нем.
Истинно имел он вид,
Как будто один на Бейджики пойдет,
Как будто один его покорит.
Искусный стрелок в одиннадцать лет,
Полоководцем ставший уже,
В тринадцать лет грозивший орду⁸!
Я принадух — народ облузанный уже,
Не давний и ветру подуть, —
Страшно был в ярости хан Манас.
Иза Алмамбета и Чубака
Расстронился арстан Манас,
Отосека кабан Манас,
Похожий сам на ту скалу,
На черной скале сел кождак Манас,
Одны сидел и молчал Манас...

Перевел с киргизского
ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ

¹ Батыр — богатырь.
² Алма — сокращенное Алмамбет.
³ Кабанцы — джигды.
⁴ Сарула — конь Алмамбета.
⁵ Кагаула — конь Чубака.

⁶ Кождак — гнев, в киргизском языке образ положительный, жару со львом, допарком и чистком.
⁷ По старинному преданию киргизов величина состоит из 16 000 миров.
⁸ Арстан — лев.

⁸ Орда — народ, изменивший свое государство.

«...не успев еще оправиться от ударов недавнего экономического кризиса, капиталистические страны очутились перед лицом нового экономического кризиса».

Из доклада товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б).

Рисунок Д. Дубинского

КАПИТАЛИСТ.— Чорт возьми! Какое знакомое лицо!..

ЗЕЛЕННЫЙ СВЕТ

Рассказ

На завтрак, специально для Сета, было два яйца, и Мильдред, глядя на них, с трудом глотала подаренный хлеб.

Коржик хлеба Сет вытер желток, развалившийся по тарелке, не спуская глаз с будильника, стоявшего рядом. Потом он протянул свою чашку, прося ее кофе, и, когда Мильдред нашла из помятого кофеина, Сет снова замялся, как тонки стали ее руки и как похудела ее шея. Но теперь все страшное уже позади. Мильдред будет лучше питаться, он купит ей новые платья, будет водить в театры... Страшные позации. Больше не придется ему проситься на общественные работы для безработных. С сегодняшнего утра — он бросит беглый взгляд на часы — он начинает работать в частной фирме, в первый раз за последние три года. Его рука вдруг задрожала. Несколько капель кофе полилось на блюдце.

— Это так замечательно, Сет, — сказала Мильдред веселым голосом. — Это похоже на художника, который получил обратно свои кисти и мольберт и, ну ты знаешь, все остальное. Правда?

— Что это тебе пришло в голову? — Драгичинским голосом сказал он. — Я же не художник. Никсон, может быть, и зовет себя художником, но у всего лишь фотограф, не забывай этого, — он усмехнулся. — И чертовски хороший фотограф, не забывай и этого.

Он понимал, что хотела сказать Мильдред, говори о кистях и мольберте. Она хотела сказать, что у него нет даже его портативной камеры, проданной года два тому назад. И понимал также (она не сказала этого, но подразумевала), что дела, черт побери, плохи, — вот и все. Если бы все было хорошо, он, может быть, как Никсон, имел бы собственную студию и подписывал свое имя на photographia. Но будь он проклят, если бы в своей студии он стал работать с мягкорисующей оптикой, которую показал ему Никсон, решив взять за работу! Не потому, что Сет не умел обращаться с этими линзами, — нет, — он мог работать с любыми линзами. И не потому, что он имел что-нибудь против Никсона, совсем нет, наоборот: он должен был сдержаться, чтобы не расцеловать Никсона, когда тот выбрал его из всех желающих получить работу. Он снова взглянул на часы. Он не хотел приходить раньше времени и показывать свою заинтересованность. Но, с другой стороны, он должен посетить вовремя. Он почувствовал руку Мильдред на своей.

— Я думаю, что ты художник, — сказала Мильдред. — И ты делал... дела прекрасные снимки, — она сжала его руку. — Взгляни на свои пальцы, разве это не пальцы художника? И они снова будут коричневыми, как и прежде, от разных химических!

— А разве они были коричневыми? — сказал он весело. — После работы я всегда вымывал их кислотой.

— Но, поминишь, однажды я пришла в студию, твои пальцы были коричневыми! Он рассмеялся.

— Мы глупые с тобой, правда? — сказал он нежно. — Если бы кто-нибудь посмотрел вчера вечером в окно...

Мильдред тоже рассмеялась, вспоминая вечернюю сцену. Узнав, что он получил работу, Сет окружил Мильдред лампами, придвинув к ней воображаемый аппарат. Она стояла в позе скучающей дамы из общества, а он говорил, что хочет почувствовать перспективу, или, как он выразился более возвышенно, «констатировать свет». Он даже внимательно глядел сквозь воображаемый аппарат. «Оближите губы, пожалуйста! Вот так! Чуть приподнимите голову. Смотрите сюда. Вот, стойте так, пожалуйста!» Он даже нажал на мифический спуск...

— Мы вели себя, как дети, — сказала она, продолжая смеяться.

Лицо Сета стало серьезным. Она всегда хотела детей, настоящих, а не только играть в них. И у них будут дети! Дела принимаю хороший оборот. Он больше не безработный!

— Чорт побери! — воскликнул он. — Который час?

Схватив пальто и шляпу, он бросился к дверям. Мильдред побежала за ним и схватила за рукав.

— На счастье, — сказала она и провела пальцем по его спине.

Сет поцеловал жену и бросился вниз по лестнице.

Ему повезло. В метро ждать поездов почти не пришлось. И он прибыл в студию вовремя. Жена Никсона показала ему, где повесить пальто, и провела прямо в студию. Он был рад, что Никсон находился еще в комнате наверху. Это давало Сету время, чтобы осмо-

треться. После трех лет, которые он занимался, зря не зная чем-то всем, кроме фотографии, — необходимо было некоторое время, чтобы вновь привыкнуть к обстановке. Он быстро сдвинул и раздвинул меха большого фотоаппарата, навел ее на предметы студии на фокус, испробовал горизонтальный и вертикальный сдвиги, осмотрел осветительную аппаратуру. Она была замечательна, много лучше той, с которой он работал три года назад.

Оборудование в студии было извещено и современно. Единственно, что смущало его, — это прямоугольные зеленые стекла в стене лаборатории. Он был достаточно умен, чтобы держать язык за зубами и не говорить Никсону, что почти всегда работал с эмальными, пропыленными в полной темноте или при красном свете. Конечно, он проявлял и панхроматические пленки — при зеленом свете. И он знал, как трудно определить плотность негатива под темным светом зеленого стекла. В общем тут не было ничего, что бы он не мог делать, исключая, может быть, ретуши, но Никсон никому не доверял этого, ретушируя сам.

Услышав голос Никсона, Сет подошел к нему и протянул руку. Он почувствовал слабое пожатие, после которого его руку тотчас же отпустили, и сказал переполненным от чувств голосом:

— Доброе утро, мистер Никсон!

Большую часть утра Сет лишь смотрел за хозяином, который хотел приучить его к своему методу работы. В середине дня он принял своего первого клиента — женщину с крупным, но нечетким лицом. Сет суетился вокруг нее дольше обычного. Его парализовало чувство страха: а что, если он не сделает первый снимок отличным? Ему казалось, что Никсон следит за ним из-за какого-либо прикрития, а это могло смутить кого угодно. И когда, засунув голову под черную материю, Сет глядел на изображенную женщиной на матовом стекле, ему казалось, что блики в ее глазах получают календарь. Они казались расплывчатыми, снимком расплывчатыми даже для портрета. Несколько раз он вынужден был вытирать свои вспотевшие руки. Если бы он мог вытирать и затянуться сигареткой, то это успокоило бы его... Чтобы скрыть свою нерешительность, он долго возился со светом. Затем понял, что хотя это и может обидеть клиента, но не Никсона, если он наблюдает за ним. И Сет понял, что должен нажать спуск.

Окончив съемку, он вытер лицо.

— Здорово жарко от этих ламп, — сказал он, извизнясь.

Женщина ушла, и Сет пошел в темную комнату, забрав с собой кассету. Никсон не сможет подглядеть туда. Сет взял первую кассету и вынул из нее пластику. Руки его дрожали. Если человек всегда работал с красным светом, естественно, ему нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к относительному мраку зеленого, вот и все. И если Никсон ду-

Клиентка оказалась красивой и капризной девушкой.

мал, что Сет сразу, не сходя с места, станет выдеркивать, то он ошибается.

Рассматривая пластинку на зеленый свет, падавший сквозь прямоугольное стекло в стене, Сет разозлился на Никсона. Надо понимать, что нужен хотя бы некоторый срок, чтобы привыкнуть к новой работе! Лицо женщины выглядело густым черным пятном. Или провратель Никсона слишком контрастен или этот чортвызел свет обманул его, но он перепроверил. «Ну, я сделаю хороший отпечаток и с этого негатива».

Торопливо вынул пластинку из проврателя, Сет сполоснул ее водой и положил в гипосульфит. Остальные снимки он проявил быстрее. Плотность негативов была спяной, хотя все они были плоскими.

Когда все негативы уже лежали в закрепителе, он вышел, чтобы закурить. Никсон оторвался от журнала и взглянул на Сета. «Считает, что я слишком медленно работаю?» — подумал Сет и пошел в позитивную комнату, где мог побыть в одиночку.

Он несколько раз заходил в темную комнату, вынимал негативы из бака с закрепителем, промывал их и нетерпеливо ждал, когда, наконец, они высушат перед вентилятором. Он не мог сполна дожидаться момента, чтобы сделать пробный отпечаток. Наконец, пластинки высушились, он взял их в позитивную и сделал пробный отпечаток. Снимок получился плохим. Даже любитель, взглянув на негатив, мог бы сказать, что он пережарен.

Часа через полтора Сет вышел из позитивной. Он всталел, и лицо его покрывало нездоровым оттенком. Он переделал все снимки — все до одного. «Должно быть, из-за прожарки этого света», — сказал он себе. Он не знал еще, как пользоваться им...

Хорошо, что Никсон поднялся наверх. Не придется объясняться с ним сегодня. Сет надеялся шляпу, пальто и ушел. Вновь переудумывая все происшедшее, он понял: при новой осветительной аппаратуре надо снимать со скоростью одной пятой секунды, а он по старой привычке доводил выдержку до целой секунды. Ну, теперь он не повторит этой ошибки. Завтра он пойдет и прямо скажет Никсоу, как произошла ошибка.

Дома Мильярд, увидев его расстроенное лицо, страшно испугался.

— Ничего особенного не случилось, — пытался успокоить его Сет. — Я неправильно рассчитал экспозицию, вот и все. Это могло произойти с каждым. И с Никсоном тоже. В этом нет никакого преступления.

Чтобы немного рассеяться, он начал просматривать каталоги, которые получал от рекламных отделов различных фирм. Там можно было узнать все о новом оборудовании. Он даже выбрал себе фотоаппарат, который рассчитывал в скором времени купить, — он же работает! Сет лег в постель и долго лежал в темноте с открытыми глазами.

На следующее утро Никсон напущенно говорил о своей репутации и о том, что он не может заставлять клиентов приходить снимать-ся во второй раз. К счастью, в этот день было много работы, и это мешало Никсону ворчать. Сет чувствовал себя смелее, но зеленый свет в темной комнате все еще беспокоил его. Он не мог быть уверенным в негативах, когда смотрел их на зеленый свет.

Позже, когда Сет работал на контактном печатном станке, Никсон несколько раз заходил и следил за его работой. Как-то он даже сказал:

Его пальцы были желты от проявителя...

— Чертовски ловко работаете!

Сет ничего не ответил, не желая огорчаться. Но когда он увидел, как плохо получились большинство его отпечатков, он забыл об огорчении — он испугался. В тот вечер дома он пытался взять себя в руки, чтобы не расстроиться Мильярду. Первое, что она сказала, когда он вошел, было:

— Ну, что сегодня?

— Все в порядке! Было чертовски много работы, — ответил он, — мне обязательно нужно сегодня просмотреть эти каталоги, Мильярд. Прости меня...

Следующий день он должен был работать только полдня, потому что была суббота. Сет ждал, что конец недели уже наступил. Ему бы хотелось начать работу в понедельник, а не в четверг, как это было. Хотя, может быть, это и хорошо: ему удастся пойти в библиотеку просмотреть книжки по фотографии.

В понедельник, когда он пришел в студию, его встретила миссис Никсон. Она сказала, что ее муж простудился и лежит в постели. Он надеется, что Сет заменит его. Должна придти одна клиентка Никсона.

Клиентка оказалась красивой и капризной девушкой. Она сразу заявила, что может покататься на с'емку всего пятнадцать минут. Сет начал спешить. Он знал, что если бы она не говорила все время, что очень торопится, он бы упрямился и быстрее чем в пятнадцать минут. Вдобавок Сет слишком много думал о том, лежит ли мистер Никсон в постели или следит за ним, делая ему сегодня окончательный экзамен.

После ухода девушки миссис Никсон зашла к нему и спросила, не согласен ли он по-работать сверх времени, чтобы проявить эти снимки, потому что мистер Никсон хотел бы посмотреть их еще сегодня, да уходя Сета. Сет ответил: «Конечно» — и пошел в темную комнату, чувствуя в этой просьбе предупреждение. К его радости, первая пластинка была хорошей, и он понял, что постепенно привыкает к зеленому свету. Но уже через несколько секунд, взглянув на следующий негатив, он увидел — проклятие! — что переделал! Как, черт возьми, мог он так переждать? Ребенок, начинающий, не мог бы сделать этого! Он подумал, что если Никсон действительно ле-

жал наверху больной и не следил за ним, то Сет скажет, что клиентка так торопилась, что ему не удалось сделать все шесть снимков. Это даже не будет ложью. Ведь времени едва хватало.

Когда он увидел, что переделал и еще один снимок, он уже не ругался. Он понял, что наделал. Эта проклятая курница так торопила его, что он перепутал экспозицию.

Когда он вышел из темной комнаты, там сушилось только три негатива. Остальные три он переделал. Он пошел прямо к миссис Никсон и сказал своим голосом:

— Можете передать ему, что я переделал три снимка.

Не дав ей времени ответить, он пошел в позитивную и, взглянув на увеличитель, подумал: «Интересно, как бы он сам работал, если бы несколько лет не держал в руках камеру?»

В позитивную вошла жена хозяйки. Она заговорила тихим голосом, не глядя ему в глаза:

— Мистер Никсон болен, и поэтому он сильно разволновался. Я говорю о переделке. Я сама прекрасно понимаю, как это случилось. Даже он поймет, когда выдворится, что требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к новому месту... в особенности после... она замолчала покраснев.

— После того, как я провел три года на общественных работах по помощи безработным, — подсказал он мрачно.

— Я понимаю все это, но мистер Никсон говорит, что он не может держать работника, который, как вы сами говорите, в последнее время... не глядя на него, она протянула маленький конверт.

Он взял конверт. Внутри были деньги.

— Он быстро решил... в голосе Сета было горькое... Через два с половиной дня...

— Я понимаю, что это должно вам так казаться, — сказала она смущенно. — Но, право, он не может нести расходов на работника, тем более... Почему бы вам не пойти в большую студию, например Блайга, где так много фотографов? Я хочу сказать... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Конечно, я понимаю, что вы хотите сказать, — ответил он холодно.

Он взял свою шляпу и пальто. Не было никакого смысла унываться, пытаясь получить обратно работу. Нечего и пытаться из-за того, что его выгнали через два с половиной дня после начала работы, потому что это могло сделать с таким же успехом и через два с половиной месяца. Человек изложил профессию, считал, что чертовски хорошо знает ее, и вдруг — нет такого места, где он мог бы применить свои знания!

«Что они делают со мной? Бросают обратно на общественные работы, на голодное существование... Подумай, Сет, о парнях из школ, которые никогда не получают работы, какие бы ремесла они ни изучали. Ты честным! Ты все же работал несколько лет по своей специальности...»

Руки его дрожали. Он скорчил гримасу, пытаясь остановить дрожь. Затем он вынул перед собой рух, словно пытаясь загнипнуть пальцы и остановить успокоиться. Его пальцы были желты от проявителя. Он забыл вымыть их кислотой.

«Я пойду домой с такими пальцами», — подумал он, — чтобы Мильярд выгнала их корнями еще раз. В последний раз...»

Перевод с английского
ЮРИЯ СМЕРНОВА.

ШПИК

[Сценка из быта
фашистской Германии]

Воскресенье. Время после полудня. Идет дождь. Отец, мать и мальчик только что кончили обедать. Входит служанка.

Служанка Господин и госпожа Климбич спрашивают, дома ли господя.

Отец (ворочая). Нет.

(Служанка уходит.)

Мать. Тебе надо бы самому подойти к телефону. Ведь они знают, что мы никуда не уходим.

Отец. А почему бы нам не уйти?

Мать. Потому что дождь идет.

Отец. Это не причина.

Мать. Они, наверное, спрашивают себя, куда это мы пошли.

Отец. Ну, мест для прогулок сколько угодно.

Мать. Тогда почему мы не идем?

Отец. Куда?

Мать. Раньше ходили повидать друг друга...

(Молчание.)

Мать. Эри ты не пошел к телефону. Теперь они, наверное, решили, что мы не хотим их принимать.

Отец. Этот Климбич надоел мне досмерти.

Мать. Раньше он тебе не надоел.

Отец. Раньше! Раздражает ты меня со своим вечным «раньше»!

Мать. Во всяком случае, раньше ты не порвал бы с ним из-за того, что он находится под подозрением со стороны школьной инспекции.

Отец. Завчит, ты хочешь сказать, что я трус?

(Молчание.)

Мать (сыну). Генрих, оставь в покое радио!

(Сын берет газеты.)

Отец. То, что сегодня идет дождь, просто катастрофа. В стране, где каждый дождь—катастрофа, не должно быть дождя.

Мать. Ты находишь, что очень разумно делать вслух подобные замечания?

Отец. Я могу делать любые замечания в стенах моего дома. Я не позволю, чтобы в моей собственной квартире... (Замолкает. Входит служанка с подносом, на котором кофейный сервиз. Молчание длится, пока служанка найдет в комнате.)

Отец. Зачем мы держим прислугу, отец которой является квартальным надзирателем?

Мать. Но ты же сам говорил, что это имеет свои преимущества.

Отец. Мало ли что и говорил!..

(Служанка еще раз прерывает разговор, внося кофе.)

Мать. Можете идти, Эри. Я сама буду разливать кофе.

Служанка. Спасибо, сударыня. (Выходит.)

Сын (выглядывая из-за газеты). А что, пава, все католики занимаются этим грязным делом?

Отец. Каким?

Сын. Вот тут написано...

Отец. Зачем ты это читаешь? (Вырывает газету у сына.)

Сын. Начальник школьной группы сказал, что мы можем читать все, что написано в газете.

Отец. То, что сказал начальник группы,—еще не закон. У меня дома решаю я.

Мать. Генрих, вот тебе десять пфеннигов. Поиди и купи себе, чего хочешь.

Сын. Да, но ты же видишь, что на улице дождь.

Отец. Если они не прекратят печатать все эти гнусные статьи, я и стану подписываться на их газету.

Мать. А какую газету мы будем читать? Они все пишут одно и то же.

Отец. Ну, что ж, если все газеты печатают подобные дерзости, я и не буду читать ни одной... Пусть они лучше поглядят вокруг себя. Говорят, в их собственном Коричневом доме не меньше грязи.

Мать. Ты нервничаешь сегодня. Случилось что-нибудь в школе?

Отец. А что такое могло случиться в школе? Кстати, прошу тебя, не повторяй все время, что я нервничаю. Между прочим, ничто так не нервничает, как это вечное повторение.

Мать. Не надо бы нам ссориться все время, Карл. Раньше...

Отец. Так, так! Я ждал этого. Раньше! Ну так вот, и прежде, ни теперь я не допущу, чтобы они отравляли воображение моего ребенка!

Мать. Кстати, а где он?

Отец. Откуда я знаю?

Мать. Ты не видел, как он вышел?

Отец. Нет.

Мать. Нет, понимаю, где он может быть. (Зовет.) Генрих! (Выбегает из комнаты. Слышно, как она зовет в другой комнате. Возвращается.)

Мать. Он действительно ушел.

Отец. А почему бы ему и не уйти?

Мать. Но послушай, ведь ведь как из себя ведешь!

Отец. К чему так нервничать, если мальшу выдумалось уйти?

Мать. А что ты говорил? Ты последнее время так недержал в словах!

Отец. Какое это имеет отношение к тому, что наш мальчик вышел на улицу?

Мать. Но ты ведь прекрасно знаешь, что в союзе гитлеровской молодежи им предлагают доносить обо всем.

Отец. Глупости!

Мать. Хотелось бы мне знать, что именно он слышал?

Отец. В конце концов, ему прекрасно известно, что бывает, когда доносят в Гестапо на людей.

Мать. Вспомни про того мальчика, о котором нам говорил Шмукле. Его отец до сих пор еще в конлагере.

Отец. Может быть, он пошел к товарищу?

Мать. Хотелось бы мне знать, что именно он слышал? (Бежит по квартире, зовет сына.)

Мать. Он мог пойти только к Муммерману. Я позволю им («У телефона! Алло! Здравствуйте, Мадам Муммерман. Говорит мадам Фурке, Генрих у нас пошел к товарищу?») уходить, где он может быть... Скажите, мадам Муммерман, помещена ли союзу гитлеровской молодежи открыто по воскресным дням? Да? Большое спасибо. (Вешает трубку. Оба сидят молча.)

Отец. В конце концов, что такого он мог услышать?

Мать. Ну как же, ты ругал газету наши. Тебе не следовало бы говорить в таком тоне о Коричневом доме.

Отец. А что плохого я сказал о Коричневом доме?

Мать. Да вспомни же! Что там не все чисто.

Отец. Это нельзя истолковывать как оскорбление. Я сказал «не все чисто» со снисходительным оттенком. То есть я хотел сказать, что «там не всегда и не при всех обстоятельствах дело идет именно так, как хочет фюрер».

Мать. Да замолчи ты! И придержи лучше собственный язык! Я все

время лмаю голову, вспоминая, да или после Коричневого дома ты сказал, что нельзя жить в гитлеровской Германии.

Отец. Э, прости, я ни слова не сказал об этом.

Мать. Ты выкручиваешься так, словно я полинял! А я лмаю голову, вспоминая, что именно мальши мог услышать.

Отец. Во всяком случае, выражение «гитлеровская Германия» не принадлежит к моему словарю.

Мать. Во всяком случае, фраза о квартальном надзирателе и то, что в газетах только ложь,—все это уже кое-что для мальши. Господи, неужели мой сын способен донести на своих родителей?

Отец. Возможно и способен, он злопамятен.

Мать. С чего бы ему быть злопамятным?

Отец. Чорт его знает! Может быть, оттого, что я отнял у него зеленую лягушку.

Мать. После лягушки прошла целая неделя.

Отец. Что ж, такие вещи помнятся долго.

Мать. Но он никогда об этом и не заикался, и потом я только что дала ему десять пфеннигов. У него есть все, чего он хочет.

Отец. Он сейчас же скажут, что мы за десять пфеннигов пытались подкупить сына, чтобы он не ботал лишнего.

Мать. Как по-твоему, что они могут тебе сделать?

Отец. Да все. Ты знаешь, что для них нет никаких границ. Боже мой! И при этом быть преподавателем! Воспитывать молодежь, когда ее боишься!

Мать. Но ведь против тебя ничего нет?

Отец. Найдется всегда что-нибудь против каждого. В гитлеровской Германии каждый честный человек позорителем.

Мать. Но ребенок не может быть свидетелем.

Отец. А с каких это пор им нужны свидетели для чего бы то ни было?

Мать. Карл, сейчас у нас нет времени спорить обо всем этом. Нам надо споровиться точно и немедленно. Нельзя терять ни минуты.

Рис. Б. Лебедева

Отец и мать застали в страхе.

Отец. Неужели наш сын — шпик?
Мать. Мамочка с Коричневого дня и мерзостей.

Отец. Но, послушай, я даже не произнес слова «мерзость».

Мать. Ты сказал, что газета полна мерзостей и что ты хочешь отказаться от подписки.

Отец. Ты только представь себе: я привлек к суду, а на свидетельской скамье находится мой плоть и кровь и показывает против меня!

Мать. Не принимаю все это так близко к сердцу.

Отец. Большой неосторожности было посягать этих Климбе.

Мать. Но ведь с ними ничего не случилось.

Отец. Согласен, но обследование школьной инспекции уже угрожает им.

Мать. Карл, не падай духом.

Отец. Как ты думаешь, квартальный надзиратель имеет что-нибудь против нас?

Мать. Прежде всего он получил карточку старик да двоюродного, а чаше бы просто кордельские.

Отец. Наши соседи Гауффры дали ему пятнадцать марок.

Мать. Ну еще бы! В тридцать четыре они еще читали «Фюрертер», а в мае тридцать третьего вывешивали черно-бело-красный флаг!

(Телефонный звонок.)

Мать. Мне подойти?

Отец. Не знаю.

Мать. Кто бы это мог нам позвонить?

Отец. Погоди минутку. Если позвонит еще раз, подождите.

(Оба ждут. Телефон молчит.)

Отец. Все-таки это не жинки!

Мать. Как ты думаешь, надо нам пригоститься?

Отец. Ты думаешь, они придут сейчас же вслед за нами?

Мать. Что ж, это в конце концов возможно.

Отец. Пожалуй, мне следовало бы надеть железный крест.

Мать. Ну, конечно, Карл!
(Он размыкает орден и прикладывает его дрожащими руками.)

Мать. Но ведь в школе-то, однако, ничего нет против тебя?

Отец. Откуда я знаю! Я готов преподавать все, что они хотят. Но что они хотят? Разве я знаю, каким они хотят видеть Бисмарка?.. (Спохватываясь.) А не дать ли нам еще десять марок прислугой? Она ведь тоже все время подслушивает.

Мать (доборительно кивает). Если мы можем портрет Гитлера над твоим письменным столом, это может произнести хорошее впечатление.

Отец. Ты права.
(Мать перевишивает портрет.)

Отец. Погоди: если мальчик скажет, что мы перевесили портрет на другое место, это может навести их на мысль, что у нас нечестная совесть.

(Мать перевишивает портрет на старое место.)
Отец. Это не дурно ступила?

Мать. Я ничего не слышала.

Отец. Нет, слышала.

Мать. Карл! (Обнимает его.)
Отец. Не вришь. Приготовь мне лучше чашечку кофе.

(Хлопает парадная дверь. Отец и мать застыли рядом, вытучившись в уделу коммюни. Открывается дверь. Сын входит с пакетиком в руках.)

Сын. Ну, в чем дело?
Мать. Где ты был?
(Сын показывает пакетики с школьными конфетами.)

Мать. Ты только покупал шоколад?
Сын. А что ж еще?
(Он идет через комнату, грызя шоколад. Родители с беспомощным провозом его вглядывают.)

Отец. Как ты думаешь, он сказал правду?
(Мать пожимает плечами.)

Перевод с немецкого
И. РОДИНОВИЧ

ОТТО МЕРЕР

ВОПРЕКИ ГЕСТАПО

Тяжела и горька жизнь молодежи под игом свастик. Миллионы юношей и девушек в Германии, в насильственно оккупированных Австрии и Чехо-Словакии все больше осознали необходимость беспощадной борьбы против кровавого гитлеровского режима.

Большинство поработанной фашистами молодежи ненавидит войну. Эта молодежь борется против фашистских полжизнелетных воиных различными способами. Вот что, например, рассказывает один молодой солдат-австриец на страницах нелегального журнала «Молодая Австрия» (орган австрийского коммунистического союза молодежи):

«Я танкист, стоим мы близостию от Рена (город в Австрии на чехословацкой границе). Наши унтерфицеры и офицеры всецело издеваются над нами. Однажды, после продолжавшихся несколько часов упрямлений, нас заставили идти. Только двое из всего отряда выполнили это приказание. За это нам было назначено штрафное учение. Когда нам опять приказали встать, не зная никто. Вечером мы, солдаты-австрийцы, сидели в бараке и поли трю, что нам нравится. Услышав пенне, прусский унтерфицер начал нас кричать и запретил встать. Едва он успел выйти из барака, как некто солдат пошел встать на ноги, набросил ему на голову одеяло и, основательно избив его, возарзилит в барак.»

С какой «любовью» и «преданностью» относятся рабочие-поджизнелетные к военным планам Гитлера, видно из выписки из всех писемках об обвинениях дирекции одного военного завода в оккупированной Австрии:

«За последнее время пропадают в огромном количестве инструменты и различного рода материалы все, что принадлежит предприятию, негодность машины. Повидимому, это сознательно организованный саботаж.»

Гитлеровская военная политика роковым образом отзывается на молодежи. Свободного выбора профессии фашисты не признают. Молодежь посылается туда, где у ней нуждается немецкое военное хозяйство. В свое время, например, были посланы в деревню, в поместья кулаков, 25% молодежи. Девушки обязаны были провести год в услужении у богатых людей в качестве прислугой. Платы за это они не получали.

На производстве военный режим. Рабочий день продолжается 10 часов и больше. В тяжелой промышленности и на стекольных заводах подростки и дети вынуждены по ночам тяжелейшие работы.

Заработная плата чрезвычайно низка. Гитлер категорически отказывает в каком-либо повышении заработной платы. Рабочие негодуют. Из уст в уста передается поучение: «Какова оплата, такова и работа». На одной большой мебельной фабрике в Вене молодежь выступила против потогонной системы с таким лозунгом: «Чем быстрее пойдет работа, тем скорее начнется война». Несмотря на явственный террор Гестапо (немецкая тайная полиция) в одной лишь Австрии произошло за последнее время более ста забастовок. Благодаря забастовке рабочей венской мебельной фабрики Дитмар добились повышения заработной платы на восемь пеннигов в час.

Ужасающая эксплуатация катастрофически отражается на здоровье подростков. Этого не могут уже скрывать сами фашистские врачи.

В органе фашистского руководства молодежи «Das junge Deutschland» проस्कльзнула любопытные данные. Болезни, наиболее

распространенные среди немецких подростков, — детский паралич, туберкулез костей и суставов. Обследование учителей торговых предпринимателей Германии показало, что 30% всех подростков болели теми или другими болезнями. Вследствие плохого питания у многих юношей и девушек выпадают зубы.

Одна из доморощенных фашистских деятелей в области питания рекомендует вместо мяса, масла, яиц и мяса употреблять вегетарианские сырые продукты. Молодежь возмущена этим. В одной деревне фашист-заведующий лагерем — принес уставшим и голодным после принудительного военного труда подросткам чашку сырых продуктов. Один из подростков в возмущении бросил миску на пол и воскликнул:

— Неужели вы думаете, что мы будем есть траву?

Другой «специалист по питанию» рекомендует подросткам утром вместо кофе (сейчас в Германии нет кофе из-за недостатка сырья) принимать «холодный душ, так как это, мол, «больше освежает».

Фашисты заставляют принимать участие в военных маршбросках всех детей, начиная с десятилетнего возраста. В результате этих маршбросков, по отсчетам немецких больших каск, у 30% всех подростков плоская стопа. Немецкий фашизм, пытающийся орудничать народ, объявляя немцев «благородной расой», на деле губит трудящуюся молодежь. По отсчетам немецких «благородной расы» становится все более очевидной атмосфера фашизма. Шесть лет фашистской диктатуры создали миллионную армию плоскостопных и беззубых. Так называемые «новорожденные» от оккупации молодежи приводят не к улучшению здоровья подростков, а к усилению эксплуатации. В «Das junge Deutschland» некий Шейндаль открыто пишет:

«Скрану труда подростков следует почитать не как проявление большой заботки, а как усиление работы.»

Внутри фашистских принудительных организаций молодежи возрастает недовольство. Фашистская пресса жаалуется на усиливается недисциплинированность членов гитлеровской молодежи. Фашистская «Касселер нейсте нахрихтен» сетует на то, что венские юноши вместо фашистских погромных песен распевают «Вена, Вена, только ты!» В этом фашисты совершенно решонно усматривают проявление оппозиционных настроений по отношению к гитлеровскому режиму.

Подросток, посланный на принудительные работы на французскую границу, пишет: «...Мы читаем фашистские газеты и берем из них противоположное тому, что там написано. Иногда мы все слушаем радио, слушаем и Москву.»

Молодежь Германии читает регулярно издаваемую коммунистической партией и коммунистическим союзом молодежи нелегальную антифашистскую просветительную литературу.

С каждым днем растет сплочение сил антифашистской молодежи. Нарастающее против фашизма. Несколько месяцев назад в Вене была организована громадная уличная демонстрация антигитлеровцев. Несмотря на угрозы Гестапо, в демонстрации приняло участие более 8 тысяч подростков.

Независимо на опасность, вопреки Гестапо, возникла кровавая фашистская партия немецкая и австрийская коммунистическая молодежь и все молодые антифашисты германские и мужественно борются против фашизма, за свободу, счастье Австрии, за свободу, счастье Австрии.

Пример великого Союза Советских Социалистических Республик побуждает боевой дух антифашистской молодежи.

Перевод с немецкого
М. ЗЕЛДОВИЧ

Илья Зыма Минин

Отрывок из романа

В 1610 году Москва при содействии изменчиво-бояр была захвачена польскими войсками. Московское государство павлоило, пашаками польских интервентов. Они грабили и насильственно истребили, предавая огню и мечу города и деревни. Пришедше под стены Москвы так называемое разное ополчение вследствие негодной войны Трубецкой-чальников, руководивших этим ополчением (вождя Липуту, а также вельмож Трубецкой и Заруцкий), развалилось. Надежда москвичей на избавление полков из Москвы рухнула. Липуту был по неведению предатель Заруцкого убит, Сам Заруцкий бежал из Москвы. Остался один князь Трубецкой—человек лютый, свекорострый, вымывавший по отношению к польским панам неопределенную дознанность.

Вот в это время, осенью 1612 года, и явился под Москву славное нижегородское полюдие человеком Юзьмою Мининим и воеводою князем Пожарским полюдие народное (в ту пору называвшееся немским, от слова «немля») озаглавлено, которое и вышло за избавление полков из Москвы.

Польский король, узнав о приближении и Москве нижегородского немского ополчения, боялся сильного войско и послал его под Москву, желая определить нижегородцев. Начальником этого войска он назначил воеводу своего из иеронимских полководцев—гетмана Хоткевича, почти не являвшего порывания.

Польские паны и сильной степенью расчистили и на поддержку недовольного приходе нижегородцев казачьего атамана князя Трубецкого.

Таким образом, нижегородское ополчение, являясь под Москву, имело перед собой трех противников: 1) озаглавленный в Кремле польский гарнизон, 2) сильное войско гетмана Хоткевича и 3) казачье войско, озаглавленное князем Трубецким.

В отрывке из романа В. Костылева «Юзьма Минин» показано, как нижегородское ополчение вышло с победой из того труднейшего положения, в которое оно попало.

Войско гетмана Хоткевича по своему походу обычно двигалось к Москве полюдиям четырехугольником, который со всех сторон был окружен многочисленными полюдиями, связанными между собой цепями. За передними полюдиями тянулись пушки, в середине—пехота, а за нею—тяжелая панцирная конница.

Впереди войска на возорном коне ехал суровый, неподвижный гетман Хоткевич, озаглавленный ястребиным взором окрестности Москвы.

Перед ним верховой находил¹, именовавшийся бунчуковым, вез громадную булаву, украшенную драгоценными камнями и лентами шалаша бунчукового бунчука.

Конницу, делившуюся на хоругви, или эскадроны, вели знатные шляхтичи, ротмистры. Она была пестра, разноплеменная.

Тут были и законные в тяжелые латы пехотные немские ландскнехты, и польские панцирники, и венгерцы—кто с длинными копьями, кто с пашаами, иные с саблями, князьями в даже с боявыми молотами. У многих за спиной висели карабины, а за кушавыми воткнуты были пистолеты. Вооружение, кони, сурья—все было богато, дорогое.

Около ротмистров гарцовали пахотки в кафтанях из волчьей шкуры, с ординам крылом за спиной.

Легкая конница Хоткевича состояла из немцев, венгров, валахов и бужакинов из Сечи запорожцев. С трудом сдерживая своих скакунов, они следили рядом с тяжело двигающимися коренными войсками...

Хоткевич ошибся. Он думал найти под Москвою жалкие остатки липутинского ополчения. Вышло войско: перед ним оказалось большое, сильное войско.

Широко раскинулись по обе стороны Москвы-реки тьмы нижегородцев и казаков, став на пути к Кремлю.

Гетман отдал приказ остановиться.

Вперед. Поспеши пол. Река, как стек-

¹ Оруженосец.

ПРИЗЫВ МИНИНА

С картины К. Маковского

ло, неподвижна, и тишина, хорошо знакомая полюдиям, соблюдаемая накануне боя серьезным противником, несложным к уступкам.

Полки раскинули табор на Полюдиной горе, окружив шатры возами, связанными между собой цепями. Хоткевич не на шутку задумался над своим положением. Он приказал саперам возвести земляные укрепления. На валы встали пушки.

Нижегородских ратников охватило любопытство. Тянуло поближе посмотреть врага. Хотелось знать, что за противник. С кем придется бороться? Из-за чего столько разговоров и хлопот?

Подползли к самой воде, вглядываясь в польские таборы. Следия за тем, как гетманы, спустившись веревцею с высокого берега, поили коней...

Начался шопот: — Ах, мыш-перемыш! Кони-то какие гладкие да большущие! Ой, господи!

— Нимию осами, чай, откормили... Пень! Чего дивуешься?

— Гляди... Гляди... А сами-то ровно коты. Одни усы.

— Без бороды что за человек?! Силы той нет.

— А какому они бог-то молятся?

— Ежели в иконы шалат, стало быть, не нашему.

— Труденько, братцы, нам бегут...

— А по-моему, легче вора ловить, нежели врагов бить...

— Слышите? Смеются! Голдоме: покатываются!

— Смеется верша над полднем, а сама там и осталась...

— Сесть бы в челнок, мыш-перемыш, да приплыть бы к ним, да испробовать бы... Думается, и не доживешь до завтра... Внутри горит.

Полсмились подавленные владыки.

Кто-то сердито сказал:

— Не испужай народ! Помею! Лежи смею! Воевода какой объявился!

Польские конница были веселы. Одни ух-

длин, другие спускались с горы на снегу им. И, кажется, коня ни нет.

Трубецкой стоял в Замоскворечье на том же берегу, где и Хоткевич, близ Крымского брода. Нижегородцы — на московском берегу. У нижегородских воевод родилась мысль: не удавится ли Трубецкой вместе с гетманом, если пойти на ополченцев? Но от атамана злились послы. Они передали обещание Трубецкого действовать против полков заодно с нижегородцами. Больше того: атаман дал слово ударить полкам в тыл, что ему сделать было, действительно, удобно. Тут же послы передали Пожарскому, что Трубецкой просит воинской помощи у нижегородцев. Они уверяли, что их конь и его есаулы кланутся с четью послужить земскому делу.

Пожарский согласился. Он не послушался Козьму, который убеждал его не верить Трубецкому, человеку ненадежному, холоду тушинского самозванца. Пожарский отобрал самых храбрых казаков пять сотен и отправил их на ту сторону Москвы-реки, к Трубецкому.

Рано утром берег вблизи Девичьего монастыря отяжел резким, пронзительным воем флюгар... В этот миг боевые ступени, вздымаясь, новое для слуха нижегородцев. Польские литавры тоже звучали оглушительнее нижегородских. Гринули пушки — дерзко, вызывающе...

Минин и Пожарский стояли на сторожевой вышке. Им вняло было, как по берегу стала спускаться к реке блестящая железом острая масса польского войска... Грозя сверкало оружие в лучах восходящего солнца. Всадники, имея за спиной по одному пехотину, спустились в воду первыми. За ними поплыли через реку громадные, сооруженные за ночь плоты с остальной пехотой. Непривычно было видеть реку, покрытую лесом коней и знамен.

В действиях польского войска чувствовалась сила и уверенность в собственной необходимости. Хорошо вооруженные, знавшие в замосквскую бродю, увеличенные славою прежних побед, полки красовались перед нижегородцами своею отвагой, открыто, на виду у неприятеля совершая переправу через реку. Был когда обнаружилось предательство Трубецкого!

Он не ударил с правого фланга на эскадроны полков, чтобы помешать их переправе.

Минин оказался прав. Трубецкой не сделал ничего слова. Он даже не вмешивался тогда, когда более искусная польская и венгерская конница стала теснить бросившихся им навстречу всадников нижегородского ополчения.

На московском берегу начался жестокая сеча. Польские гусары свирепо набросились с саблями на тех нижегородцев. Но пригнувшись к земле ополченцы били вражеских коней своими длинными копытами и создали великое замешательство в эскадронах противника. Коня ополченцы били в спину, делями лошадей. В самый разгар боя и полкам пришлось спешиться. Брошенные седоками лошади сбивались в толпе, навлекая ужас на бравых метался.

Все ошмякалось. Трещало стало разобознать, кто с кем дерется. Тесно, тесно, суетно. Под ногами катились недобитые литавки. Они стонали, рычали, норовя ухватить за ноги бойцов.

Крики, вопли, стоны и проклятия вылетали из кровавого месива, горяча кровь, муть раскисло...

Хоткевич вводил в бой все новые и новые отряды пехоты.

Из ополческого лагеря также все время выбегали группы озабоченных бородастых воинов и, перекрестившись, звали в толпу.

При этой вое пушки, артиллерия, стетали, потому Гаврилка Осип, Авдеев и другие смельчаки тоже пошли врассыпную. Подобралось незаметно к самому краю места сражения. Увидели группу шляхтичей, горячо между собой споривших. Подходили к ним, хоронясь среди копыт конских тушек, и вступили по команде Гаврилка, гринули из самозаводов. Шляхтичи вскинулись, лошадь их взбежала, впоказали прочь, теряя по пути всадников. В это время из засады выбежала толпа венгерцев. Ловкие и беспощадные, они наброси-

лись на смолян. Тут только ребята поняли, в какую они западно попали.

Венгерцы бились саблями. Смольные — копьями, мечами и кистенями. И те и другие озерели. Рослый воин, у которого Гаврилка мезом вышиб саблю, впилился ему в руку зубами, рычал, как зверь. Силой этот человек обладал необычайной. Слабыо Остепел! Выручи! Навалился на венгера, удолол его кистенем.

Несколько смолян пали в этой стычке. Осну раскисли плечо. Он победил в лагерь, облизав кровью.

Была солнечная тихая погода. Звон железа, стон и вопли разносились на далекое пространство по окрестностям.

Последние Пожарским в помощь Трубецкому пять сотен казаков вернулись к своему воеводу. Вслед за ними поплыли Трубецкого лучшие его атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломена. С большой толпою казаков эти атаманы устремились к Москве-реке в помощь Пожарскому.

Дружно налетели они на польских всадников с правого фланга, остановив их наступление. Расстрелянные польские эскадроны, понесшие громадный урон под тутым напором массы ополченцев и казаков, принуждены были снова убраться к своей лагерь.

.....

Темная, непроглядная ночь. Гетман Хотке-

Рис. И. Гришинева

Пришел конец тогда конникам, которых Козьма воювал в воду.

вич сидит на походной скамье в своем шатре, окруженный офицерами.

— Для первого знакомства, — говорит он, удаляясь, — мы были достаточно утучны с москвичами. Ветречка вышла теплой. Тем более надо должна быть приятной во всех отношениях. Мы хозяева на правом берегу. Казацкий сброд Трубецкого — не воины; их региментарь не расположен соряется с нами... Мой приказ — доставить четырехста возов с продовольствием нашим героям-ополченцам в Кремль... Есть человек, он проводит караван в южные ворота Кремля...

На утесах лицах польских военачальников усталость. У некоторых на головах повязки. Цветные, с позументами кафтаны порваны, на них следы крови.

Слово гетмана закон: четырехста возов к Кремлю. Заскрипели тысячи шестсот колес. Затолкло воемостер копытных коней. Разлился голоса четырехсот воинов. К этому надо прибавить шестсот сопровождающих обоз всадников. Караван шумно тронулся в путь.

Князь Трубецкой был глух ко всему этому. Много него проходило по Замоскворечью по направлению к палаткам не шевельвая, чтобы по мешать им.

Караван благополучно достиг южных ворот Кремля; все четверста возов оказалось в руках осажденных полков.

Шестьсот всадников конюя мирно возврати-

лись мимо казачьих таборов Трубецкого в гетманский лагерь.

Хоткевич, дождавшись их возвращения, сказал:

— Добре! Завтра приведем в Кремль и нижегородского мясника. Пускай рубит мясо для наших людей.

Засмеялся, отпустил офицеров и в самом хорошем состоянии духа расположился на ночлег.

.....

В лагере Хоткевича вновь зашевелились знамена. Гетманские коники хаброу лустились через реку и снова пошли в атаку на ополченцев. Нижегородцы оказали полкам, как и накануне, отчаянное сопротивление. Однако гетману удалось прорвать фронт, отнеся правую часть ополчения к Москве-реке. Положение становилось безмыслимым.

Военный успех склонился на сторону полков. Князь Трубецкой видел, как под ударами панской конницы редели ряды нижегородцев, как выбывали из сил воеводы и ратники ополчения, стараясь «свалить с себя» гетмана, но и на этот раз он не пришел им на помощь.

Козьма, разгневанный бездействием Трубецкого, послал Мосеева и Пахомова на ту сторону реки пустить слух среди казаков: если они-де помогут ополчению победить Хот-

кевича, то весь гетманский обоз будет отдан им, казакам.

Козьма сказал Пожарскому: — Келарь Авраамий — друг Трубецкого. Пообещав и ему что-нибудь. Казань его послушает. Пускай пойдут со своими дарами в таборы угорят казаков. Он речист! Он должен Православие гибнуть! Ему ла не помочь!

Князь послал гонцом к келарю своего брата Лопату-Пожарского.

Но когда келарь вошел в стан казаков, многие из них с оружием в руках уже бежали на помощь нижегородцам. Другие стояли в хмурой задумчивости, держа коней наготове, а третьи играли с бесшумным видом в «зерны».

Келарь крикнул им, поднимая «светлые дары»: — Что же вы сидите! Православных бьют! Креста на вас нет!

Он пообещал им отдать все ценности Троице-Сергиевской лавры. Казаков это расстроило — от награды они отказались.

Козьма не ошибся. Выходу Трубецкого, как один человек, по приказу Минина тронулся на помощь нижегородцам. Москва-река покрывалась переплывающими ее на конях всадниками. Приплывя к гривам коней, они боевыми выкриками подбуждали ополченцев. Радостным возгласам отвечали ополченцы, с удвоенной силой начал обороняться от врагов.

Поляки, видя приближение помощи к нижегородцам, эти яростные стали теснить ополченских ратников. Пожарский выхватил у знаменосца свое знамя и поскокал в самую гущу боя с криком:

— Не жалейте себя! Умерем все!

Бесстрашно кинулся на поляков ратники, не щада своей жизни. В это время из воды вышла и казачья конница.

Два ополченца — нижегородские и казачьи, соединившись, с шумящей силой ударили по гетманским эскадронам.

Польское войско дрогнуло, стало отступать, теряя людей и коней, оружие и знамена, оставил на поле боя множество убитых и раненых...

Часть ополченской пехоты после того перебралась на ту сторону и залегла во рвах и криничниках на пути гетмана, чтобы не дать полякам ворваться, незаметно провезти продовольствие к осажденным в Кремль. Эти смельчаки заведомо обрекали себя на гибель. «Умерем, а не пустим гетмана к Кремлю», — говорили они.

День склонился к вечеру. Солнце село за Сокольничий ровный. Усталые, вздрагивая, люди ложались на траву, чтобы обмыть раны, заглянуть их, отдохнуть после двухдневных боев. Многих товарищей не досчитывались ополченцы.

Опять появлялся люди, подославшие поляками. Они начали сбивать казак:

— Зря помогаешь Обману! Вас нижегородские воеводы. Снасите их, а потом они и вас побьют.

Козьма елка успевал уговаривать недовольных. Грозила новая междоусобица. Обезнравленный казак гетманский бою остался неотбитым, и впередича не видело хорошего. На казаков начало умирать. Прошлые, полу-

голодные, утомленные, они начали падать духом.

Тогда Минин пришел в шатер к Пожарскому, сказал, что он сам побегает поборотся с гетманским войском; не словом, а делом надо поднять дух у казачьем лагере.

Пожарский ответил:

— Войны кого хочешь... Но не будет ли хуже от того?

— Лучше умереть, — ответил Минин, — нежели видеть такое неустройство. Ты, князь, досаждаешь себя. Не дай бог, тебя убьют!

А и... Все равно!

Он отогнал лучших воинов. Взял с собою три сотни наиболее отличившихся в бою. Пользуясь тем, что поляки, утомленные боями, безмятежно расположились на отдыхе, Минин быстро переправился со своими ратниками на крымский берег Москвы-реки и с необычайной силой ударил в тыл на пригоровившую ко ему польскую улану и конницу.

С противоположного берега Москвы-реки вышло было, как Козьма, громадный, без шлема, с разевающейся бородой, высоко подывая голову, бегущий несся по изгороди перед собой отряд... Видно было, как его всадники, не страшась пыли, стройно, с копытами наперевес скакали вслед за ним. Такого безумного наскока индей не ожидала поляки. Паника пехоты разбежалась врасплох под сокрушающую ратьском нижегородцев. Конница поляков оказалась неподготовленной. Она стала поддаваться назад. Кони уже вошли в реку, а нижегородцы продолжали наваливаться грузно, свирепо толпой на шляхетских воинов, давя, кроша их с неслабым жестокостью. Часть польских всадников, которая наклонилась поодаль от воды, боясь, также быть втянутой в реку, в ужасе бросилась к своему укреплению. Пришел конец толпе конников, которых Козьма вогнал в воду. Их

расстреливал по одиночке. Покопча с ними, Козьма погнался со своими воинами вдогонку за оставшим конницей.

В лагере Хоткевича от такого изобилияного и стремительного удара поднялся шум, ха и многие бросались бежать куда глаза глядят. Особенно перепугались люди в обозах. Они перелезали через воза и стремительно, врасплох разбежались по полю.

В это время толпа нижегородцев, следившая во рвах и криничниках, с боевыми криками бросилась на помощь Минину.

Сам хабрибый гетман Хоткевич в панике понесся на коне по возу, оставив обоз и шатры в добычу нижегородцам.

Победа на стороне Минина была полная. Казаки были изумлены бешеной храбростью нижегородского старосты. С радостью и огромным уважением приняли они от него в дар отбитый у Хоткевича обоз. Им Козьма Минина затмало имена всех подмосковских воевод.

Пожарский приказал пушкарям в стрельчаном провезти великую шашку по отступавшим войскам Хоткевича. Гварийка постарался на славу. Стрельба по польскому стану продолжалась два часа. От грохота пушек не слышно было даже разговоров, а дымы носились ежак от великого пожара.

Разбитые нижегородцами, поляки сначала отступили к Дожскому монастырю, а затем и вовсе встали из-под Москвы.

Козьма своему победою решил судьбу войска гетмана Янузички донести, что Хоткевич «сребрет локса», победив по Можайской дороге обратно к себе в Подолье.

После этой победы ополченцев над гетманом Хоткевичем сачи поляками Кремль стала вопросом нескольких дней. Польское гарнизону уже негодка было ждать помощи. Судьба его была предпрена...

ДЖЕ-НЮ

КЛАРА БЛЮМ

В волнении студентка Фенг Дже-ню
Прикасался к старой двери юном лбом.
Как тяжело перепахнуть порог,
Вйти в отцовский строгий, чинный дом!..
Ей не забыть воек, как старей Фенг,
Горя отцовским гневом, говори:
«Ты недостойна этих сильных слов,
Я даром трачу речи на тебя.
Ведь ты не сын — ты только дочь, пошлый!
А с дочерью короткий разговор:
Я прикажу — довольно и того.
И если до ушей моих твоих раз
Добьется молва, что видел тебя
Среди коммунистов, в университете...
Оставь мой дом и никогда на свете
Не возвращайся больше!»

И Дже-ню
Ответила, не дрогнув: «Твой приказ
Я выполняю, отец, будь в том уверен,
И не из послушанья, а от сердца!»
И было счастьем и большой победой
Сдержать обет в темные дни.
Семь лет она домой не возвращалась,
Сама свою утратив жизнь,
И все же пришла к отцовскому порогу...
Потребовала от нее вечья:
«Отец твой знаменитый, старый врач,
И тысячи его пример воспримут.
Знаю, как он ко всему критичен,
Что слушают к славе нани критикой,
Как ненавидит варваров свирепых...
К тебе призвал наш. Ты одна из первых
В едином фронте нашего народа —
Имя в завербуей его!»

Дже-ню
Покрестовала молодым упорством,
И, голову подняв, переступила
Порог, и в дом вошла свободным шагом,
Не семеня. Но только сердце сжалось
Болезненно и жалобно в груди.
Ей вспоминалось ученье Конг-фу-зе,

Что сила воли побеждает боль...

Отец
Ее с лицом окаменевшим встретил.
Такими ж, как у дочери, глазами
Смотрел в глаза ей. Сожалея
Иль радость ощутил? Не подал вида.
Друг друга провзрив, затруженно,
Но вежливо они заговорили.
Он гостею показала все собрание
Старинных, редких рукописей. Скромно
Отказываясь от ее похвал,
Цитатами, словами знатоков
Нестерпим из разговор, но за покоем
Их лиц пылали нежность и вражда
Катались ты, а тоже катанца,
Любовь к народу славному Китая,
К великому народу.

Фенг Дже-ню
Нашла слова, что шли от сердца к сердцу:
«Отец мой, красота тысячелетий
И мудрость этих книг тысячелетних
Велик врагов коварных растопят.
Китай ты, а тоже катанца,
Ничто нас не должно разделять.
Объединимся все: отны и дети,
Интеллигент, крестьянин и рабочий,—
Чтоб явился Япония сломанная,
Чтоб родина наша цветком свободным!»
И старей Фенг, сматнув с лица усмешку,
Сказал: «Ты дочь, но не уступишь сыну!
Твое ученье мужество дает.
Так учит молодежь! Она зовут.
Ну, что же, я последую за нею
И верю: будем мы непобедимы.
Веди меня к своим друзьям!»

Дже-ню
С улыбки отвечала: «Твой приказ
Я выполняю, отец, будь в том уверен,
И не из послушанья, а от сердца!»

Перевел П. ЖЕЛЕЗНОВ

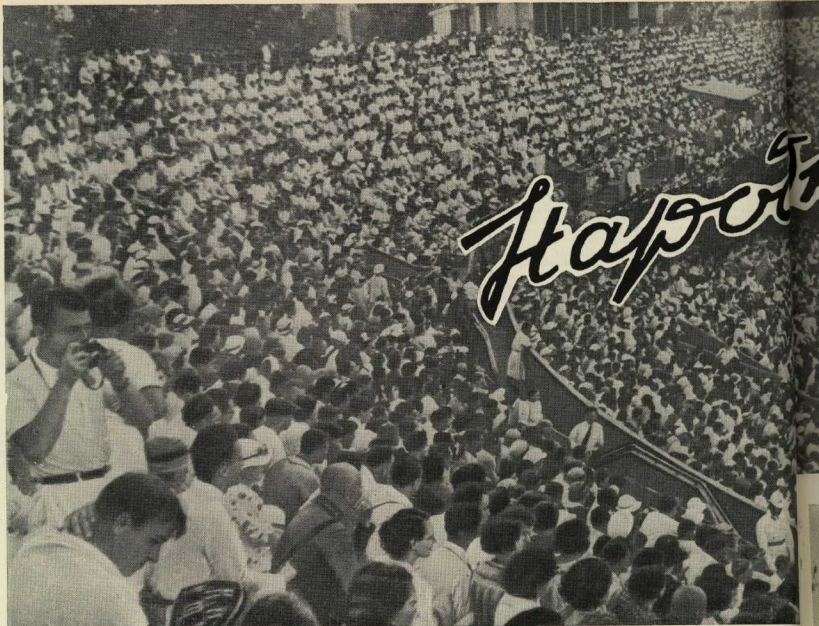

Фото М. Гейтмана

На зеленое поле стадиона выбегают мускулистые ребята, одетые в острые спортивные костюмы. Они становятся в центре площадки по линии круга и с нетерпением ждут призывающего свистка судьи.

Тысячи зрителей, окруживших футбольное поле тесным живым кольцом, затея дахские смотрят на новенький кожаный мяч, который пока сплывало лежит в центре поля.

Судья смотрит на часы. Ровно через 10 секунд раздастся пронзительный свисток и мяч вылетит в воздух. Он обиндет дуру, покатит на голову одного из игроков, снова вылетит, покатится по полю, вернется назад и — зарвет в цепких объятиях человека в кожаных перчатках.

Вдох облегчения проносится по стадиону. Мяч опять уходит в поле и летит от ноги к ноге, от головы к голове, от защиты к нападению, пока метким ударом его не пошлют в сетку ворот.

Тогда снова раздастся резкий двойной свисток, над стадином прозвучат аллодисменты и на ште одной из команд появится первый сднина.

Так начинается игра, так открывается счет, так начинается новый футбольный сезон.

Можно без всякого преувеличения сказать, что в нашей стране футбол — самая любимая, увлекательная, подлинно народная игра. Футбол физически воспитывает человека, дисциплинирует его, воспитывает в нем волю к победе, упорство, настойчивость и чувство коллективизма.

Сотни тысяч подростков, юношей и мужчин, обделенных в различные спортивные кружки, играют в футбол, осматривают призы, борются за

честь клуба, завода, колхоза, города, республики.

А честь на футбольном поле измеряется количеством выбитых мячей, уменьем вовремя и точно послать их в сетку «противника», отбить атаки и перейти в нападение.

Многолетние футбольные состязания выделели из многочисленных коллективов группу сильных команд, названных командами мастеров. Еще недавно громкой славою пользовались лишь две команды, которые легко расправлялись со своими «малыми братьями»: это были московские команды «Динамо» и «Спартак», составленные из лучших столичных игроков, известных всем любителям футбола.

Захватывающая борьба этих двух клубов имеет свою интересную историю. Соревнование «Динамо» и «Спартак» шло всегда с переменным успехом.

В последние годы картина борьбы за футбольное первенство, за драгоценный трофей — кубок — и за почетное красное знамя чемпиона несколько осложнилась. Появились сплоченные коллективы общества «Локомотив», Центрального дома Красной Армии, сильнейше стала ленинградская команда «Динамо», окрепли киевляне, сильно прогрессировали тбилисцы.

В прошлом году число команд-претендентов на кубок и звание резко увеличилось. Оно пополнилось молодыми московскими командами «Металлург» (завод «Серп и молот»), «Торпедо (Автозавод имени Сталина), «Трактор» (Сталинградский тракторный завод), командой «Стахановец» (Сталино), ленинградским «Электроник» и многими другими. Выступив против прозван-

ных корифеев, эти команды не только не завалили их достойное сопротивление, но и нередко уходили с поля победителями.

Продолжительный сезон можно назвать сезоном молодых команд и рождения новых мастеров футбола.

* * *

Матч на «Кубок СССР» между командами «Торпедо» и чемпионом СССР «Динамо» привнес на стадион несколько десятков тысяч зрителей. Это была едва ли не самая интересная, острейшая встреча прошлого сезона.

Футболисты Автозавода имени Сталина показали прекрасную, слаженную игру, умевшие виртуозно владеть мячом, энергично атаковать и особенно защищаться. Москвичи впервые заметили прекрасного крайнего нападающего Р. Каримова, которого не могли дотать хавбеки «Динамо», а пористого центра — старана — А. Синькова, не дусеющего И. Кочеткова, защитников Полякова и Орлова.

Стадион гудел, когда скомфуженный вратарь «Динамо» несколько раз подряд вынимал мяч из сетки. Прославленная, носившая титул чемпионки страны команда не могла отразить натиска вездесущих футболистов. Никакие стараны быстро Сергея Ильина, старательного Е. Елесева, опытного М. Семчаковского не могли спасти команду от поражения.

Через некоторое время москвичи дружными аллодисментами встречали футболистов сталинградского тракторного завода, которые сумели выиграть у сильнейшего колхоза страны. Этот матч

Наша игра

дой коллектив показал превосходную игру нападающих Пронченко, Пономарева и вратари Усова.

Молодая команда Донбасса «Стахановец» заслуженно гордилась крайними нападающими Несмехой и Балабой. В команде харьковчан демонстрировал незаурядную игру вратарь Стеценко. В почетный список талантливой футбольной молодежи можно включить также одессита Хейсона, киевлянина Ляко, тбилисца Гавашели, ленинградцев Алова, Николая Деметрива, ростовчанина Бехтенева, бакинца Иконникова и многих других.

Особенно много молодых способных футболистов выдвинула Москва. Среди них первое место принадлежит Г. Федотову, левому крайнему команды ЦДКА. Этот игрок, в совершенстве владеющий мячом, умеющий исключительно сильно и точно бить по воротам, завоевал себе известность не только в СССР, но и за границей.

Прекрасно проявил себя также защитник «Спартак» Василий Соколов. Быстрый, находчивый, цепкий, он никогда не упускает случая ударить по мячу, всегда умно разбивает атаку противника, разрушает его тактические комбинации и заслуженно называется «непроходимым беком».

Блеснул редким талантом и новый молодой вратарь «Спартак» Жмельков. Он в прошлом году выступал за команду мастеров в ответственных международных матчах и сразу показал себя с самой лучшей стороны. Жмельков хорошо выбирает место в воротах, находчив, имеет прекрасную реакцию, хорошую хватку. Все эти качества ставят его в ряды лучших вратарей страны.

Среди москвичей нужно отметить еще способных Абрамова, Шербатенко из Центрального дома Красной Армии, Качалина из «Динамо», Назаретова из «Металлурга», Карелина из «Сталиния», Рытова из «Пищевика» и многих других.

Недавно начался розыгрыш первенства СССР по футболу. Сильнейшие коллективы страны вступили в соревнование. Предстоит исключительно интересный розыгрыш, результаты которого предугадать невозможно.

Способная советская футбольная молодежь, овладевшая техникой игры, получившая закалку, имеющая достаточный опыт борьбы, может достойно защитить честь советского футбола и в предстоящих в этом сезоне международных встречах.

Центр нападения команды «Торпедо» А. Силыков (справа) забивает мяч в ворота московского «Динамо».

Фото П. Фигурова.

В РОДНОМ СЕЛЕ

В. МУХИН

I

Ой, село мое родное,
Дом отцовский, дым родной...
Продо мною расстелется
Дороги полого.
Я иду, обят тревогой,
С чемоданами в руках.
И пылит, пылит дорога,
Проплывают облака,
Нагибается ль рябина,
Как бывало, над ручьем,
Где о счастье, о чужбине
Детство бредило мое?
Где ребята-однолетки?
(Славная компания!)
Где теперь моя соседка
Оленька Абрамова?
Вот в дом...

Сестра с улыбой
Смотрит в самое окно.
Под рахотой виснет зыбка,
Спит ребенок крепким сном.
Спит он, полный, розоватый,
Без стеснения, в нагоде.
И играет луч заката
На груди и животе.
Ой, сестра, не твой ли это
Мирно дремлющий герой?
Не услышал я ответа
На вопрос нескромный свой.
А малыш во сне смеется,
Гром пускает пузыри.
Хорошо ему живется
В пору жизненной зари!

2

Все для ужина готово.
Мы уселись четверном,
За широким, за сосновым,
Краской пахнувшим столом.
Луч домается, дробится

О сияющий фарфор.
Полнокровием гордится
Красноярский помидор.
Хмурит бровь овечья студня
На кетовую икру,
Утка плавает на блюде
В желтом собственном жиру.
Грусть дорожную развеял
Я в семье своей родной.
Справа — зять, сестра — левее,
И отец передо мной.
Пью, как будто бы глотаю
Самого ерша с хвоста.
Бата хмурится, смекает:
«Сиди на вышивку — простаки!»
Ум хмелеет скороотечно,
Стол пылает, качаясь, вдале.
И струится бесконечная
Отцовская мораль:

— Ты занялся, брат, не в меру,
Я, мол, взрослый, не замаяй...
Инженер? Будь инженером,
Да колхоз не забывай.
Закатился — и в Коритине
Три года не видать...
Ешь, сыночек, ешь утятину,
Или сырников подать?
Оператся — улетают,
Улетели — не поймать...
Спать-то будешь, чай, в сарае
Или в спальне будешь спать?
— Да, в сарае...
Я шагаю
По росистой по траве,
Звезда, падаа, сторуят
В безграничной синеве.

3

Я проснулася на рассвете.
Травы искрятся росой.
Ветер ветер, треплет ветер
Вышню нежною рукой.

Тень легла от палисада
Вдоль дороги столбовой,
По селу прохладит стадо,
Крошет паша желтеющей.
Вперед — бугай-красавец,
Черный, с белой головой.
Пыльный воздух потрясает
Горда зычного трубой.
Он трубит, о самке бредя,
Махнет нота хвостом,
Парень на велосипеде
Проезжает большаком.
Тень его по частолоку
Словно утица плывет.
— Ой, куда тебя, Микола,
В рань рассветную несет?
Дрогнула руля в руке привычной,
Отбита полукруг...
— Неизменный, закадычный,
Здравствуй, друг!
— Здравствуй, друг!

4

Коля молчит еле-еле,
Точно голос потерял:
— Я минуем не делай
Сладбу с Оленькой сыграв...
Будто колодом пахнуло,
Солнце скрылось — темнота...
Улетела, утонула
Задуманная мечта.
— Что ж, приятель... песни спета...
Сладбу с Оленькой сыграв...
Чай, еще новинка есть?
— Я уже второе лето
Председательствую здесь.
Обойдем хозяйство наше,
Поглядим, поговорим...
Я шагаю по селенью,
Обиновись по-братски с ним.
Вспомнило: по соседству,
Где-то здесь, в местах родных,
Затерялось наше детство,
Детство грязных и босых.
И давно ли пух дождям,
Груши крапа по садам,
За углом махру курили
И читали по складам?
Все минуло, все улетело,
Как пропадавший песня злов...
...Свежей жизненною силой
Дышит чистый небосклон.

«ПРАЗДНИК В КОЛХОЗЕ».

С картины С. Герасимова (выставка «Индустрия социализма»).

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Фото И. Гушина.

На столе груды пестрых открыток... На них итемпеля Бельгия и Австралия, Норвегия и Шотландия, Прага и Оринья, Гавайских островов и Фиджи.

Адресату этой почты 19 лет. Зовут его Константин Шлиффер. Он студент Энергетического института и рабочий одной из советских радиостанций.

Шлиффер любит страстно воевать по эфиру, он любит коротковолновиков. Пестрые открытки из всех частей света — квитанции, письменные удостоверения о состоянии радиоразговора двух коротковолновиков.

Константин Шлиффер рассказывает о своих встречах в эфире, о разговорах с Америкой, с Алжиром, Египтом, Мадагаскаром, Индией, Новой Зеландией...

Шлиффер пользуется «короткой волной» подобно сотням, тысячам радиодобителей.

Не так давно Герой Советского Союза прославленный радист Эрнст Кренкель писал в своем письме к радиодобителям Советского Союза:

«Короткая волна — дело увлекательное, но не простое. От добителя-коротковолновика требуется гораздо больше умения, чем от простого радиослушателя. Любитель-коротковолновик, работая со своим приемником, изучает его материальную часть, тренируется в радиотелефонной и радиотелеграфной передаче. Радиодобители в военное время — лучшие помощники связистов».

«Короткие волны» позволяют передавать сигналы на 20 тысяч километров при самом незначительном расходе энергии. Они позволяют легко

посылать сигналы в одном желаемом направлении. Наконец, они в сильной мере избавляют радистов от борьбы с атмосферными разрядами электричества.

Об этом «короткие волны» так быстро завоевали популярность.

Среди радиодобителей очень популярна история с американскими радистами, спасающими население от наводнения. Маленький городок Джонстаун в одном из американских штатов был достигнут наводнением.

Вода затопила центральную часть города. Телеграф, телефон и радио прекратили работу.

В час грозного бедствия группа джонстаунских радиодобителей — коротковолновиков отправил в Вашингтон первую радиogramму: «Наихудшее наводнение в истории, мы нуждаемся во всем».

Один из радиодобителей работал до тех пор, пока вода не подступила к его дому.

С помощью коротковолновиков губернатор штата связался с пострадавшими районами...

Профессия радиста таит в себе много романтики.

Весь мир знает о работе итальянской коммунистической радиостанции, вот уже несколько лет передающей в эфир о зверствах фашизма. За радистами этой станции все время безуспешно охотится тайная полиция Муссолини.

А германская антифашистская станция! Ее героическое существование в условиях гитлеровского режима вызывает восхищение всех честных людей. Она так же неуловима, как итальянская, за ней с таким же азартом охотятся агенты Гестапо. Но маленький че-

модан со скромной аппаратурой, служившей для 15-минутной передачи, распадается то в одном месте, то в другом, кочует по Германии, вызывая ярость и бешенство фашистов.

Об этом с увлечением рассказывает комсомолец Шлиффер...

Если завтра война... Шлиффер готов к ней. Он не может знать, куда его пошлют, но он будет одинаково полезен и на передовой линии огня и в тылу.

Если его пошлют на фронт оператором батальонной радиостанции,

он не растеряется. От него потребуют умения передавать 50 знаков в минуту. Это он усвоил давно. Костя принимает свыше 70 знаков, а передает больше сотни.

Костя Шлиффер мечтает о радиоразведке.

В старых войнах разведчик-кавалеристы знали восточных, голубиную почту. Теперь военная техника позволяет вести разведку с маленькими радиями на лошадях — передача сведений может быть произведена молниеносно.

Во время первой империалистической войны в Бельгии произошел любопытный случай. Страна была оккупирована немцами. Но один клочок территории остался свободен от неприятеля. На этом крошечном острове кипит-то чудом ускользнул бельгийский радист. Из окна его станции было видно расположение неприятельских войск. Отважный радист все время передавал в эфир сведения о передвижении немцев. И немцы ничего не могли сделать с ним: он был неуловим как эфир!

Если Костя понадобится в штабе, он и там будет очень полезен. Коротковолновик может вести штафетную работу по передаче текстов, штабных шифровок, чертежей, фотокарт.

Может быть, он окажется наблюдателем на привязном аэростате? Может быть, ему доверят когда-нибудь управление морских судов, самолетов, танков? Может быть, он будет передавать важнейшие сведения с летящего самолета?..

Когда потребует родина, Костя Шлиффер, как и все советские коротковолновики, займет свое место в боевых рядах.

А. ГИНЕВСКИЙ

Коротковолновики нужны и в мирной обстановке и в боевой. На переднем плане комсомолец Шлиффер из коротковолновой радиостанции. Внизу, комсомолец отрядный командир Каранев передает на маневрах радиogramмы.

М. ХАЗАНОВ.

Портрет Лизы Галеель

Г. ЦЕПЛИН.

Эрна.

Г. ПАВЛОВСКИЙ.

Политических вьдут.

ВЫСТАВКА МОЛОДЫХ

Многие замечательные русские художники: Репин, Левитан, Суриков — учились на почве всеобщего упреждения и в нужной платили за право учиться, за возможность стать мастерами.

В нашей стране каждый способный, талантливый человек — всенародная ценность. В наших художественных школах и вузах учатся обеспеченные государственной юности и девушки. Обеспеченная жизнь, полная свобода творчества, великолепные музеи.

В лучшем нашем музее — Третьяковской галерее — в залах ЦДКА собраны сейчас работы молодых художников (Всесоюзная выставка молодых художников, посвященная 20-летию ВЛКСМ). Встает вопрос: как эта молодежь оправдала любовь и доверие страны, чему она научилась, чего от нее можно ждать?

* * *

Каждая работа молодого художника — это и отчет и обещание.

Если рассматривать всю выставку как отчет, можно поразоваться тому, что все молодые живописцы овладевают мастерством под знаменем реализма. Мы можем констатировать серьезное, зрелое отношение к натуре, поиски правдивых образов, объективности, грамотности. Живопись стала более непосредственной, рисунок более строгим. Так выглядит отчет.

Этот, видимо, представляется на выставке — это обещания художников. Но что мы можем проследить, насколько пристально и глубоко изучают молодые художники природу.

Этюд — начальный этап в работе живописца. Но этюд можно судить как воспринимает художник мир, какие он ищет впечатления, как умеет заносить их на холст. Этюд — это записи художника, которые будут питать его творчество. Нельзя сделать копию и рвать природу. Художник должен долго и неутомимо искать такое место, такую точку, откуда бы он мог ярче показать мир. Работая над этюдом, важно знать, какие ты хочешь передать состояние и «эмоции» природы. Если этюд не будет в нас никаких чувств — значит, это бесцельный труд: художник не достиг цели.

На выставке есть немало этюдов, которые выдают в нас чувство непосредственного соприкосновения с природой. Это искусство надо отнести небольшие этюды Соколова «На Черном море», «На Неве», В. В. Богаткина «У мельницы», Е. В. Диффина «Татарская дача». Соколов удачно передает живое движение воды. Богаткин заставляет нас почувствовать очарование глухого уголка.

Многие этюды свидетельствуют о хорошем вкусе молодежи, тонкой наблюдательности. Частым, печальным красавцем оказалась И. В. Бельева «Девушка в красной кофте».

Н. Н. Горюха («Натурище под зонтиком»), Г. И. Шейтлин («Эрикс»), П. В. Преснякова («Мальчишкое предместье») удачно выбрали и мотивы для эскизов и средства для передачи своих впечатлений. В «Натурище под зонтиком» интересна сплитность и целостность цвета. «Эрикс» написана правдиво, искренно и гармонично. В «Мальчишском предместье» мы ощущаем атмосферу, последовательную смену планов, беспрерывность воздушной перспективы.

* * *

На выставке есть целый раздел портретной живописи. К сожалению, этот раздел радует меньше других.

Портреты однообразны, их общей недостатком — монохронность¹ цветов, неуверенный рисунок, мало опыта в этом труднейшем жанре живописи.

Статичная поза — отличительный признак большинства выставленных портретов. Живописцы не нашли решений, которые позволили бы скватить живые черты нового человека, доброго, подвижного, радостного. Это большая задача, и здесь художники пока еще в долгу перед современностью, перед новыми людьми нашей родины.

Можно отметить М. Т. Хазанова. Ему в портрете Лизы Гилье удалось добиться положительных результатов. Юная скрипка, строгая, сосредоточенная, выразительно написана в четырехугольной раме. Удачен сделанный Дороховым этюдный портрет немецкой девушки как живой.

Талантливый художник Н. М. Романин в портрете балерины О. Лещинской выступил в новом, необычном для него стиле. Балетные аксессуары помогли ему сделать романтичное обрамление к портрету. К сожалению, замысел остался неуспешным, не доведенным до конца. Самый портрет сделан вяло, голова написана статично.

Остальные портреты — среднего уровня. Неопытно, почему попала на выставку такая, например, слабая работа, как портрет О. Федоровой, написанный А. Морейном.

* * *

Сюжетная картина — это мыслит этап в работе художника: в ней концентрируется все его достижения. И то, что молодые художники начали работать над сюжетными картинами — бесспорно, положительный факт.

Художник Г. В. Павловский своей картиной «Полиitical» хочет напомнить молодому поколению о страшном прошлом, о законных в цепи борьбы за свободу, о России каторжной, романовской...

Все обращение к картинам: перекрутка провинциального городка, грязные улицы, фигурки жителей — взято типично. Но художник выписывая детали, не забыл о главном. Он поставил своих героев — политических заключенных — в центр композиции, показал их горю лица, их поднятые вверх головы. В картине есть подлинность отдельных частей главному. Ее недостаток: однообразная гамма цветов, нарочитая усложненность композиции, слишком явное подражание Сурикову.

Удача, по-моему, картина Е. А. Заблueva «Чапаев». Художник представил себе события предсмертной ночи Чапаева. В пейзаже, во всем построении картины, во всех деталях передана тревога. Мы знаем, что на чапаевцев враги нанесли внезапно и они отбивались от многочисленных врагов из последних сил. Все, что мы видим на холсте, подчинено одному настроению, одной мысли.

Балетно трактует тему А. А. Казанцев, картина «Степан Разин». Он не понимает, что единство всех элементов — обязательное условие для картин. Он старательно выписывает одеяла, сабли, лодки, но все эти вещи являют сами по себе, а картина, как таковая, нет.

В картине А. И. Лактионова «Герой Советского Союза капитан Н. В. Юдин в гостях у комсомольцев-танкистов» все вещи также выписаны обособленно. Это не картина, а музей, где тщательно раскрашены все предметы,

дана иллюзия яркого света. Но это иллюзионно не очень высокого сорта. Лактионова — способный человек, но он выбрал себе опасную дорогу. Погоня за внешней эффектностью погубила не одного художника. Вся картина статичная, неживописная, в ней нет глубокой мысли, сюжета.

Но и один глубоко проработанный сюжет не делает еще картину. Так получилось с работой И. К. Васильева «Проводы комсомольца на фронт». Он очень подробно проработал по ходу, тщательно выписал все фигуры в комнате... Сюжет легко читается. Но в любой момент мы следим не только за развитием сюжета, но и за тем, каким языком оно написано. И картина Васильева живописная, живописными красками, мутная, серая, не может донести до зрителя идеи автора. То же можно сказать и о картине А. А. Ефимова «Проводы рыбаков». Она однообразна по цвету, олеография, холодна, и кажется, что все: рыбаки, лодки, весла — сделано из одного материала.

* * *

Очень хорошо, что молодые художники берутся за большие темы, за сюжетные картины. Основой таких картин должна быть умело построенная композиция. В этом искусстве художники должны спланировать рисунок. Распределение персонажей на холсте должно быть мудрым и жизненно правдивым, выразительным. С этими задачами справляются пока немногие.

К сожалению, участв в художественных школах, овладевая мастерством, многие молодые художники не сохраняют самолюбия, не вырабатывают свой, оригинальный взгляд на природу. Обладая таким взглядом, художник может из любой темы, из любого сюжета, любую картину, и она не будет подражательной, не будет повторением приемов, позитивных мастеров. Она будет новым словом в искусстве.

Советская художественная молодежь переживает сейчас интереснейший этап в своем развитии. В нашем искусстве кончилось засилье формалистов, калечащих раннее молодые дарования. Многие зрелые художники также отдали дань этой моде, а молодых много лет находилось в плену у формалистов. Сейчас — мы можем это твердо сказать — они освобождены от этого губительного влияния. Выставка молодых художников, которую мы сделали, резко поворот к реальному изучению натуре. Не всегда, однако, этот процесс идет болезненно. Многие молодые живописцы пока еще часто копируют натуру. Их работы — добросовестно списанные копии с природы, а не ее образы.

И здесь несомненно хочется обратиться с призывом к молодежи: больше дерзости, исканий, молодого задора!

Нет еще этого в творчестве молодых живописцев. Реалистичное искусство при его глубоком содержании не исключает, а предполагает праздничность, богатство, высокое совершенство формы, и глубокого содержания, мудрых идей, глубоких сюжетов не придуманных в мастерской. Все это может подсказать только наша родная социалистическая действительность.

Молодые художники уже овладевают техникой, усваивают основы классического искусства. Надо не только продолжать традиции, но и заново их создавать, открывать новые пути, проникать в неисследованные области. Надо много и упорно работать, и тогда расцветет советское искусство и родится новый стиль. Этот стиль — социалистический реализм.

¹ Единопонятие.

ТВОРЧЕСТВО

Во всем творчестве, в самой природе возникновения новых чудесных форм, в какой бы области творчества они ни создавались, есть нечто в основе поэтическое. Но труд композитора вне всегда казался наиболее поэтичным по самому своему существу.

Возникновение мелодия всегда удивительно. Она зарождается, еще не тронутая, не проверенная реальным звуком, но уже звучащая усердно и властно. Не слышавшая никуда из нас, она слышна композитору во всей своей полноте и силе. И вот она проступает на нотной бумаге постепенно, как бы набираясь в волны и плоти, ее подхватывают все шумнее и четче, ее превращают, словно вздохом, паузой, ее ведут голоса, все полнее, все дальше, как бы разматывая певучую нить...

В мире, окружающем нас, композитор слышит то, чего не слышим мы.

Тона, которые запоминает живописец; слова, порождающие пестроту гармонии, открывающиеся композитору; — вот он, огромный мир, питающий каждого художника, в какой бы области искусства он ни работал, мир поющий, звучащий, окрашенный всеми красками, живой, незыблемый мир, окружающий нас. Формирование Тихона Хренникова как композитора проходило очень своеобразно. Об этом стоит рассказать.

Хренников очень молод: ему 25 лет. Еще недавно это был маленький школьник в городе Ельце. В семье Хренниковых Тихон был десятым ребенком. Семья была музыкальной, здесь много пели, играли на гитаре и мандолине, но роля в доме не было: жили в семье бедно. Мальчик ходил играть на роляе в знакомый дом.

Первое свое музыкальное сочинение маленького Тихона написал в новогодний вечер. В доме готовились к празднику, мать, сердитая и красная от плиты, пекла пироги, сестры убрались комнаты. В доме пахло свежестью и властью от вымытого пола, осясной, горячим тестом—всеми чудесными запахами праздника, которые никто в мире не чувствует так сильно, как дети. Мальчик сидел в углу и писал. Мелодия звучала у него в ушах, и он переносил ее на нотную бумагу...

С этого вечера он начал писать музыку. Кто-то из знакомых привез несколько его сочинений в Москву. Сначала показал профессору Гнесину. Присут некоторое время приехал в Москву и сам молодой композитор, ученик восьмого класса, скромный бледный мальчик в сапогах со скрипом. Гнесин прослушал его с большим вниманием. Дарование мальчика было несомненно.

Поглядев Москву, мальчик уехал обратно в Елец копать почву. Через год он написал письмо Гнесину. Школа уже была закончена, и мальчик спрашивал у профессора совета, что делать ему: идти служить в сельсовет или продолжать заниматься музыкой? Гнесин предложил ему приехать в Москву и поступить в техникум.

Так началась новая полоса в жизни Хренникова.

Он поступил в Техникум имени Гнесиных, кончил его с невиданной быстротой — в три года — и затем перешел в Консерваторию. В Консерватории Хренников учился одновременно в классе Нейгауза и в классе Шебаляева. Он часто ходил на концерты, жадно знакомился с произведениями классиков и современных композиторов. Ему открылся новый мир, с необычными гармониями, с удивительными звучаниями. Он увлекся запад-

ной музыкой. Она поразила его как открытие. В простой и легкой песенный мир, который жила до сих пор молодой композитор, вошли новые соединения звуков, острые как укол.

В 1933 году Хренников написал свое первое сочинение — концерт для роля с оркестром.

Это была нервная, острая музыка, полная внутреннего беспокойства. Сказалось влияние западных композиторов. Певучесть, мелодичность, все простое и нежное, что было свойственно молодому композитору, здесь как бы отступило, подавленное новым влиянием, новой струной.

В 1935 году Хренников написал свою первую симфонию.

Она исполнялась в Большом зале Консерватории. Дирижировал оркестром Георг Себастьян Тонка, очень остринная по замыслу, блестящая по богатству звучания, симфония была исполнена с огромным успехом.

Симфония стала известна не только у нас: его заинтересовались и за рубежом. Знаменитый дирижер Стковский прислал письмом в Америку, просить выслать ему партитуру. Симфония была исполнена в Нью-Йорке и Чикаго. В американских газетах и музыкальных журналах печатались восторженные рецензии.

Хренников начал работать в театре.

Вместе с композитором Шебалиным он написал музыку к пьесе А. Файко «Концерт» («Александр Шингирин»), поставленной Театром революции.

Героями пьесы были композиторы двух поколений: старого и нового. Музыка была не только иллюстрацией к пьесе: она являлась как бы действующим лицом, ведущим персонажем. Драматический конфликт строился на музыке; по мысли автора и постановщика, именно музыка должна была заменить развязку пьесы. Но этот замысел был ошибочным, и музыка получилась неудачной.

Успех в театре пришел к композитору позже.

Он написал музыку к комедии Шекспира «Много шума из ничего», которую ставил Театр имени Вахтангова. Эта музыка была написана с поллиным блеском, нарядно, остроумно. Основная линия шекспировской комедии была бережно подхвачена музыкой, веселой, задорной, ослепительно «разговорчивой» мелодией.

Хренников продолжал работать в театре. Он написал музыку еще к двум спектаклям Театра имени Вахтангова: «Без вины виноватые» и «Белый далай-лора». Но все это была как бы подготовительная работа к чему-то важному и большому.

Таким важным и большим стала опера, которую предложил написать композитору Театру имени Невзорова-Данченко. Тема оперы не была еще выбрана. После поисков и раздумий Хренников решил остановиться на романе Н. Вирта «Одиночество» и использовать его для либретто.

Опера, задуманная вначале как лирическая, в процессе работы изменялась, углублялась, становилась все значительней и серьезней. Изменилось либретто: в музыку входило новое содержание, новые мысли. Лирическая тема переплеталась с темой земли, темой народа.

В опере появились новый образ — образ В. И. Ленинна.

В работе над оперой было чрезвычайно сложным и ответственным. Для показа ее героям — советским людям — надо было найти особый музыкальный язык. Всякая фальшь здесь была бы позорной нетерпимой. Надо было обладать очень тонким чутьем, чтобы найти именно такие мелодические интонации, которые соответствовали бы образу. Работая над музыкальным материалом, надо было точно проверить, будет ли он полностью соответствовать, как и всякой сложной ситуации, будет ли он естественно рождаться из нее. Это был экзамен на правдивость чувств, правдивость образов.

Уж в первых частях оперы уже сказались индивидуальность композитора. Хренников вкладывал в свою большую работу все правдивое, нишнее и певучее, что копилось в нем еще с детства.

Великолепное мелодическое богатство, прозрачность и чистота мелодий пленяют всякого, кто слушает оперу Хренникова. Но здесь можно уловить не только лиризм композитора, задушевность его: в опере есть большое драматическое напряжение, иногда настоящий трагизм. В опере дельтает больше страсти, а ней есть и кровь и тьма живая жизни.

Оркестру оперы, Хренников показал себя мастером. Инструментовка его прозрачна и тонка. Перелом музыкального материала с звучания роля на сложное, полное разнообразнейших голосов звучание оркестра — это работа трудная и интересная. Вдруг при проверке становится ясно, что оркестр звучит «слепловато», что у певцов здесь нет «номера для голоса», — композитор снова трудится, снова ищет изменения в написанном. В каком-то куске оркестровская партия стала грубой, жесткой, инструменты слишком часто сменяют друг друга, вместо напряжения или драматизма внесена суетливость... Надо избавиться от этого. В другом месте надо дать больше звучания, то, что дает в роляе пелаль, — здесь вступает волторна — душа оркестра...

Опера носит название «бурное». Ее ставят три театра в Москве: Большой театр, Театр имени Невзорова-Данченко и студия Шингирин; она ставит также Театр имени Кирова в Ленинграде и театры в Киеве, Саратове, Казани.

Ранее всех оперы покажут Театр имени Невзорова-Данченко и Театр имени Кирова, где работа над ней уже почти закончена.

Мы ждем первую оперу молодого композитора с нетерпением, ибо Тихон Хренников уже много общался с великим интересным и значительным своим дарованием.

Тихон Хренников.

Нью-Йорке, в Чикаго. В американских газетах и музыкальных журналах печатались восторженные рецензии.

Хренников начал работать в театре. Вместе с композитором Шебалиным он написал музыку к пьесе А. Файко «Концерт» («Александр Шингирин»), поставленной Театром революции.

Героями пьесы были композиторы двух поколений: старого и нового. Музыка была не только иллюстрацией к пьесе: она являлась как бы действующим лицом, ведущим персонажем. Драматический конфликт строился на музыке; по мысли автора и постановщика, именно музыка должна была заменить развязку пьесы. Но этот замысел был ошибочным, и музыка получилась неудачной.

Успех в театре пришел к композитору позже.

сида, которая открывает дорогу к освобождению страны.

В Советской стране профессор жидет радостью и волнением своих ученых, счастья их успехов, огорчается их неудачами. В старое время профессора в подавляющем большинстве были связаны только с очень небольшой, ограниченной группой приближенных студентов, а от студенческой массы были оторваны.

Только в «статный день» — годовщины основания Московского университета — устраивались полулегальные встречи профессором и студентами в обстановке авенюрок. Но и здесь за зловещими речами не чувствовалось действительного общения и взаимного понимания.

На одной из таких «статных» вечеров студенты привели к стене Милкокова, который был тогда приват-доцентом Московского университета и читал курс «Истории русской культуры». Будущий лидер кадетской партии и министр Временного правительства Милкоков в то время находился в тоту раздала. Студенты-марксисты наудали на Милкокова и, наконец, в упор спросили его:

— Если мы устроим социальную революцию, вы будете нас расстреливать?

Примерный к стене Милкоков покряхтел и ответил:
— Должны будем расстреливать.

На второй год моего пребывания в Московском университете саратовское земледельство избрало меня своим представителем в союзный совет земледельцев. У меня завязались связи с нелегальным Московским рабочим союзом, который представлял собой зачаток первой рабочей советской демократической организации Москвы.

Мы, студенты, помогали Рабочему союзу получать нелегальные революционные книги. В Петровских линиях был магазин, который получал много разнообразной литературы из-за границы. Вместе с невинной литературой прибывали и тщательно замаскированные революционные книги. В магазине работал приказчик, связанный с нами. До прихода хозяина он отбирал из прибывшего книжного транспорта революционную литературу и передавал ее нам.

В 1894 году в связи со смертью Александра III в области началось брожение. В рядах студенчества намечались, по крайней мере, три направления.

Была группа студентов-«академистов», которая стояла на позициях либеральной буржуазии. Эта группа считала, что студенчество должно подать молодому царю петицию с просьбой установить в университете самоуправление.

Боле радикально настроенные говорили, что у царя надо просить конституцию, свободу слова и другие политические права.

Революционно настроенные студенты высмеивали самую мысль о петиции Николаю II и заявляли, что свободу надо завоевать, а не выпрашивать ее у царя.

В среде студенчества шла напряженная политическая борьба. На одно из заседаний союзного совета земледельцев неожиданно нагрянул жандармский генерал Бердяев с целой полковой сворой. Потом мы вспоминали, что весь переулочек, где происходило наше собрание, был погружен извозчиками без седоков. Некото-

рые неопытные товарищи, шедшие на собрание, наверное, спрашивали у этих извозчиков номер дома...

Генерал Бердяев спросил нас о политической официальности и даже в некоторой торжественности:

— Я нахожусь на заседании союзного совета московских земледельцев?

— Что вы, что вы! — воскликнул мы стали убеждать Бердяева в том, что это — совсем другое собрание.

Пока мы старались аverterь очки генералу, наши товарищи в соседней комнате, где был камин, поспешно свинтали компрометирующие бумаги. В разгар беседы на соседней комнате выбежал вдруг проинский туда околоточный и испуганно, с растерянным лицом доложил:

— Там груза женской бумаги...
— Какое переписали, но не арестовали: хотели, видимо, запугать.

— Взять его! — закричала взбешенный полицмейстер.

Через несколько дней все наше собрание вымал из себя московский полицмейстер Власовский и предупредил:

— У меня есть приказ: никаких петиций до государя не допускать. А если в университете будет волнения, то вы поленте в первую голову.

И, действительно, мы скоро «полетели».

Волнения в университете усиливались. Собралась сходка студентов на внутреннем университетском дворе. Полиция и жандармы оценили университет. Некоторые, недавно поступившие молодые студенты, мои саратовские земляки, оподыли на сходку, остались за полицмейстером, но всем сердцем рвались к нам. Они нашли способ пробраться во двор. В корпусе химической лаборатории занимал тогда квартиру профессор химии, ныне здравствующий академик Зелинский. Квартира его сообщалась с внутренним двором. Студенты позвонили Зелинскому. Им открыла дверь какая-то женщина, которая заклинула молодцев, не идти на двор, куда уже прибыл жандармский полицмейстер. Но добрая женщина не могла убедить моих земляков.

Между тем полиция набрала такой метод: тех, кто спускался с двора, а остальных, то есть более активных, задерживала.

Среди собравшихся выделялся ширококопый студент, которого за его бороду и степенность мы называли «ядицей». Несмотря на похвально выходящий из брюки цвет горячего темперамента. Полицейстер Власовский распоряжался, сидя на лошади. «Ядичка» выступил вперед из толпы студентов и стал в упор смотреть на Власовского. Надо сказать, что физиономия полицмейстера была чисто фельдфебельская, типичная тупая физиономия царского службиста.

Власовский вышел из себя и, явно нервничая, спросил «ядичку»: — Что вы на меня уставились? — «Ядичка» не менял лица и под черкнутым спокойствием и серьезностью ответил:

— Никогда не видал такой богоморской рожи.

— Взять его! — закричал взбешенный Власовский.

Двое дюжих городовых подхватили «ядичку» под руки и потащили его в мажор (напротив университета).

Во время студенческих «беспорядков», как это тогда называлось, полиция всегда стремилась перебить студентов на университете в дальние мажоры, откуда их ночью переводили в Бутырскую тюрьму.

На сходке всех нас переписали и передали суду университетского начальства.

Допрашивал на университетском суде будущий министр Зверев (он был тогда кметом, проректором университета). Перед этим полицмейстером лежал лист бумаги, на котором Зверев готовился составить записный протокол, как в полицейском участке.

Зверев сказал мне сладким голосом:

— Расскажите нам, пожалуйста, что у вас вышло? Мы поможем вам разобраться в ваших ошибках... Нам очень хочется вас выпутить.

— Мне стало тошно от этой легкой сладости, и я довольно резко ответил:

— Какой у нас, студентов, может быть с вами разговор? Перед вами лежит бумага, вы приговариваете записывать мои слова. Я предпочитаю не отвечать.

Так Зверев и не добился от меня ответа. Позднее мне передавали, что раздосадованный проректор считал меня одним из самых законных криминальчиков.

После допроса я ушел домой. Жил я в то время в Замоскворечье, у своих дальних родственников. В моей комнате были милограф, шоконая бумага, метал-

лические листы, спиртовые лампы. Мы, группа студентов, готовились выпустить прокламацию с требованием политических свобод.

Ночью я проснулся от раздавшегося моего милой горлового — воцелась «Обществом» его! Внизу у моей кровати стоял роющий фигуры городовых. Я обрадовался, что пришла полиция, а не жандармы: ее легче обмануть.

— Давайте лампу зажечь! — сказал я полицмейстеру, и в первую очередь поспеуши для обмыска пачки бумаги из гербария.

Сначала городовые вели обмыск ретиво. Пропушмвали насквозь мой матрац, подушку. Но у прощелка гербария они скоро устали. Металлические листы, войлочная бумага, многочисленные спиртовые лампы — все сошло как приспособления для сушки растений. Полицейский пристав поверил мне. Но от ареста я все же не спасся. После обмыска меня повели в Бутырскую тюрьму.

Вскоре мне объявили да приговор: университетский и полицейский. Меня вывели из Москвы без права поступления куда-либо в университет, без права заниматься педагогической деятельностью, без права в'езда в университетские и другие крупные города.

Так кончился первый московский период моей студенческой жизни. Впрочем, еще не совсем. В 1896 году меня арестовали на вокзале железной дороги в уездном городе Петровске, Саратовской губернии, привезли под конвоем жандармов в Москву и посадили на этот раз в одиночную камеру Таганской тюрьмы. Мне было сообщено, что я арестован за дело Московского рабочего союза. Я просидел в тюрьме около двух месяцев и был освобожден за недостатком улик, так как против меня у жандармов были только показания шпионов.

Характерно, что когда меня освободили, то полиция хотела меня отправить обратно в отелу, так как я в'ехал в Москву, где не имел права жительства. Пришлось убеждать полицию, что я не сам в'ехал в Москву, а меня насильственно ввели жандармы.

Так и не пришлось мне использовать Московский университет, чтобы заняться вполне естественными науками, к которым я тяготел с детства. В 1902 году я поступил в Московский университет, а только через 10 лет, в 1902 году, мне удалось окончить университет в Казани.

Трудно давалась в царской России наука тому, кто поднимал голос против угнетения народа.

Вместе с невинной литературой прибывали тщательно замаскированные революционные книги.

О ЛОУМНИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ К ТРУДУ

С. КАРАМОЛЕНКО

В книге Алексея Стаханова «Рассказ о моей жизни» приводится беседа французского горняка, посетившего в 1936 году Дюбасс с советским шахтером Ермаком. Ермак торопился. Иностраный гость спросил, чем он обеспокоен. Когда Ермак сказал, что советским рабочим оплачивают выжидательной простой и что, следовательно, шахтеры материально не страдают оттого, что потратят время на беседу с иностранцами гостями, его снова спросили:

— Что же вы беспокоитесь?
Французский рабочий так описал дальнейший ход беседы:

«Ермак. Как чего? Простопии — угля меньше будет, а вам уголь нужен.
Это «ша» звучит у Ермака, как если бы его прозвали у нас владельца шахты.

Спрашиваю нарочно:
— Разве тебе угля не хватает?
Ермак (нетерпеливо машет рукой): Я про страну, а не про меня».

Для советского человека в ответе Ермака нет ничего необычного и удивительного: так ставят же иностранцу любой рабочий социалистического предприятия, любой колхозник. Простой, обмидный факт советской действительности опровергает все буржуазные теории о том, что при социализме якобы исчезают стимулы к труду.

Буржуазные ученые утверждают, что отношение к труду — свойство обезьяночеловека; они провозгласили человека «сливяным животным». Они вторили троцкистско-бухаринские банальщи, называя русский народ «нацией обломовцев».

По мнению «теоретиков» из лагеря буржуазии, человек может работать только из-под палки или из-за материального расчета. Одним из самых «убийственных» доводов буржуазных экономистов против коммунизма было утверждение, что при коммунизме люди не будут работать, потому что их не будут к этому принуждать. Другие буржуазные ученые, например историк Виппер, изображали коммунизм как общество, в котором господствует принудительный труд.

Но вот коммунизм из мечты превращается в действительность. Первая фаза коммунизма — социализм — осуществляется на одной простой стадии мира, этого факта не могут опровергнуть никакие буржуазно-фашистские теории. Что же стало с «теорией» о том, что человек неспособен сознательно, добросовестно трудиться для общей пользы?

При социализме господствует принцип «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду». Но это возмущает не только людей для гражданская социалистического общества единственным стимулом к труду является материальный заинтересованность.

Рабочий, о котором рассказывается в книге Стаханова, недоволен тем, что его отвлекают от работы, не потому, что это уменьшает его заработок. Он знает, что социалистическое государство стоит на страже его интересов и никто не позволит ему нарушить. Но советский рабочий трудится не только для того, чтобы заработать себе на жизнь, но и для того, чтобы дать обществу ту продукцию, в которой оно нуждается. Он думает не только о себе, но и о стране. Это — явление неслыханное и невозможное в капиталистическом обществе.

Если рабочий на капиталистическом предприятии станет работать больше, то выиграет от этого только капиталист, так как увеличится его прибыль. Общество в целом выигрывает его прибыль. Общество в целом выигрывает от увеличения производительности труда рабочего не только не выигрывает, а, наоборот, проигрывает, так как обилие товаров и условий, капиталом ведет к перенервозованию и эконо-

номическим кризисам. Тот самый рабочий, который увеличил выпуск продукции, может оказаться первой жертвой кризиса. Поэтому человек в буржуазном обществе не заинтересован в увеличении производства.

Почему же советский рабочий заинтересован в том, чтобы больше и лучше работать? Потому, что все продукты его труда поступают в собственность социалистического государства, которое распределяет ими в интересах всего общества.

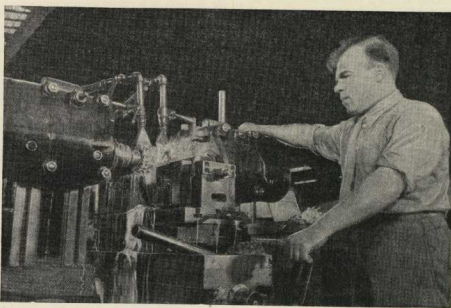
Так уже при первой стадии коммунизма — социализма — уничтожение эксплуатации человека человеком и переход средств производ-

«Меня часто спрашивают — пишет Гудов, — где предел возможного? 900% — куда же еще?»

И на это отвечаю: мы в своем деле тоже Коскиники. Все выше и выше мы должны поднимать производительность стахановского труда. Шире распространять стахановские методы».

Чем больше у нас будет таких людей, как Иван Гудов, тем быстрее мы будем продвигаться к коммунизму.

Но усиление коммунистического отношения к труду миллионными массами не может про-

Иван Гудов у станка, на котором им были поставлены замечательные рекорды производительности труда.

ства в общественную, социалистическую собственность создают совершенно новый стимул к труду — стремление к пользе всего общества.

При коммунизме этот стимул станет господствующим. Принцип коммунизма — «от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям». Каждый человек будет стремиться к наибольшему провентанию всего коллектива и тем самым к собственному благу. Труд станет первой потребностью человека, его привычкой.

Советская действительность каждый день дает примеры коммунистического отношения к труду. Тов. Л. М. Катанович в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) рассказала о том, как рядовая женщина-инженер создала изобретение, которое дало одной отрасли химической промышленности экономии в 1 миллиард 450 миллионов рублей. Таких изобретений — изобретателей, innovators — отдающих социалистическому обществу все свое умение, все свои силы и знания, в нашей стране десятки и сотни тысяч. Они создали стахановское движение и небывалыми темпами повышают производительность труда.

Иван Гудов в своей книге «Путь стахановца» перечисляет поставленные им рекорды производительности труда на фрезерном станке. Свой первый рекорд он поставил 13 сентября 1935 года, когда выполнил норму на 410%. 23 декабря 1937 года Гудов поставил свой двенадцатый рекорд, выработка 9050% нормы.

Нечто быстро и безболезненно. Не так легко и просто вытравить у человека эгоистическое отношение к труду, воспитанное у многих поколений веками классового угнетения.

Как добиться того, чтобы все члены общества стали сознательно, по-коммунистически относиться к труду, чтобы не было лодырей, ленителей, любителей пообедать за общественный счет?

В нашей стране есть еще не мало людей, которые в новых, социалистических условиях относятся к труду по-старому, по-буржуазному. В своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Молотов говорил о том, что еще не все рабочие и крестьяне нашей страны стали передовыми людьми. Есть и такие рабочие, которые готовы ухать для себя и государства побольше, а там хоть трава не расти, такие крестьяне, которым нет дела не только до интересов государства, но и до интересов своего колхоза, которые думают только о суларство стоит на страже его интересов, и государства и у колхоза».

Социалистическое государство самими разнообразными способами воспитывает у граждан сознательное, коммунистическое отношение к труду.

С начала декабря 1938 года в газетах все чаще и чаще стали появляться письма рабочих и служащих о том, что необходимо усилить борьбу с прогульщиками и лгунами и дать ряд преимуществ честным, добросовест-

ТЕАТР станции Вешенской

Так выглядит театр станции Вешенской.

Выходы из спектакля «Поднятая целина». Слева направо: Давыдов (артист Юдия), Рамзинтов (артист Зотьев) и Машар Нагульнов (артист Парамонов).

Собрание бедноты. В центре дед Шукарь (артист Тимофеев).

У сельсовета Гремачего лога.

Фото Л. Мазурю.

В станции Вешенской царило необыкновенное окружение. Казаки и казаки колхозов Вешенского района на тройках подкачивали к театру. Гостей из Москвы и Ростова встречали на аэродроме.

Здесь, на аэродроме, довелось мне услышать недоуменный возглас:

— И что это за торжество такое — всего два года театру? Вот Малому за сто — это юбилей!

Видно, сказавший это ни Дона не знает, ни театра, да и о вешенских молодых артистах ничего не слыхал.

Двадцатые вешенского театра было значительным событием в театральной жизни страны. Писатель Михаил Шолохов, по инициативе которого и был создан театр, выступил на юбилейном вечере. В своей образной речи он рассказал, как раньше обстояло дело с искусством в станицах и хуторах северного Дона.

— Иногда сюда, — рассказывал Шолохов, — приезжали задуальные труппы, наскоро собранные каким-нибудь предпринимчивым, ловким интрепренером. Эти люди заботились о том, чтобы заработать побольше денег, они не имели никакого отношения к искусству, они занимались жалкой имитацией искусства. Появлялся какой-нибудь «инавалид войны». Ему надлежало лежать в местноре, и он стал «представителем искусства», бродил по станицам и хуторам и показывал «фокусы». Прибыли на «гастроли» какие-нибудь бродячие музыканты — слушать их было страшно! От этой музыки, как говорят местные жители, «за ожерелок брадо»...

Два года назад в станице Вешенской разгорелся яркий огонек подлинного искусства. Молодой колхозный театр первой пьесой поставил «Поднятую целину». Михаил Шолохов много помогал молодым артистам в создании спектакля.

Трудно было донской казачке Вере Василевской гримироваться, боязно было выйти на сцену. Сыграла Вера первую роль — Душка — и с этого времени горячо полюбила свой театр. Так было и с товарищами Веры — Парамоновым, Морузовым, Зотьевым.

Театр рок, креп, становился на ноги. В его репертуаре появились

пьесы «Гроза» и «Бедность не порок», «Земля» и «Любовь Яровая».

Театр казачьей молодежи — дорогой гость в каждой станице. Гастролировал театр и в больших промышленных центрах — Ростове, Шахтах, Таганроге. Театр показывал уже двести спектаклей, обслужил свыше семидесяти тысяч зрителей.

Росли и люди театра. Веселюх Парамонов получил «бюрок крещено», исполнил роль Нагульнова в «Поднятой целине». После первого спектакля каждый день работы в театре стал днём серьёзной учёбы. Книжки замечательных мастеров сцены К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» и В. И. Немировича-Данченко «Из прошлого стали индустриальными книгами молодого актёра. За два года в актерском списке Парамонова накопились девять ролей. Тут и Листрат из «Земли» и Тихон из «Грозы» и Жужур из пьесы «Как закаялась сталь».

К своему юбилею театр подготовил постановку классической комедии. Был поставлен «Забавный случай» Гольдони. Этот спектакль показал, каких замечательных успехов добились молодые артисты-казачки. Особенно хорошо сыграли выступавший в роли Гоцця бывший колхозник Дуларевский хутора секретарь комитета ВЛКСМ театра Николай Зотьев и бывший колхозный тракторист Алтмов, играющий поручика Де ля Котра.

Пьеса Гольдони на сцене колхозного театра — показатель громадного роста культуры в нашей стране.

Весело и радостно отразилось казачи северного Дона юбилей своего театра. Аллодисментами встретили они приветствие театру, присланное активейными деятелями советского театра: В. И. Немировичем-Данченко, В. И. Качаловым, А. А. Блокшиной и другими. В день юбилей театру присвоено имя славного, дважды орденосного ленинско-сталинского комсомола.

Скоро молодежь красивой станицы увидит искусство артистов Вешенского театра казачьей молодежи имени Комсомола. Театр будет выступать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

А. РАБИНОВИЧ

"Она всею танцующей"

— Да что-то около двух лет.
— Училась где-нибудь?
— Нет, подруга податаскались...
Знаешь, в Сокольниковых бывают специальные показы танцев мастеров. Или бывают конкурсы. Так вот там мы и схватываем хорошеенькие па. Смежу колхозно былые, когда училась Коляка, по старому напаро — какая смешная парочка! Он как дипломом: натанцулся, надудас, а не свистит!..
Она смеялась, но в смехе ее не было непосредственности.

Это было в выходной день, в Парке культуры и отдыха. Мы много смеялись, шутили, катались на лодках, пели, купались, загорали.

В такой обстановке и произошло мое знакомство с Клавою. Едва она с подругой вошла в нашу компанию, как всем нам показалось, что мы уже давно знаем этих девушек.

Постепенно я и Клава отделились от остальных. Мы заехали на высокой обрыв и уселись на траве: хотелось немножко отдохнуть.
День уже клонился к закату. Легкий ветерок лениво приподнимал флаг на водной станции. Под нами, на Москве-реке, мелькали загорелые тела, слышались звонкий говор. По воде шипрляла лодка...
Недалеко от нас послышалась звуки вальса: это на «веранде танцев» завели патефон с усилителем.

«Ей вихре все плывет, Вещь огромный небосвод...»
Клава вскопала, глаза ее заблещели:
— Идем! Довольно здесь сидеть и нюни распускать! Танцую?

Мы встали за руки и бежали вива.
В перерывах между танцами мы болтали обо всем: о знакомых, о влюблённых, о погоде, о танцах...
— Все же неважно здесь, — сказала она. — Патефон! Гораздо лучше, когда на площадке джаз. Вот в ЦДКА — одно удовольствие! А как там «Кукарачуц» играют!!

А по-моему, все равно — что джаз, что патефон.
— Ну, много ты понимаешь! На всех хороших верандах всегда играют оркестры. Притом там комбинированное освещение: то красивый свет, то зеленый, то еще какой-нибудь... Получается уютность...
— Все равно, не вижу разницы.
— Во-первых, не смотри так пристально в глаза собеседнику при разговоре: собеседнику всегда неуютно. Смотри лучше всего в какую-нибудь точку на лице, а в глаза заглядывать никак вредно. А, во-вторых, неужели тебе нужно доказывать, что джаз лучше патефона!?

Тановала Клава хорошо. С восточником, с чувством: танцует — нечетательно, фокстрот — с блеском в глазах.
— Сколько времени ты танцуешь? — спросил я ее.

— Возвращаясь домой, я думала о Клаве. Что же ее интересует? Ну, танца. А еще что? Мы говорили много, а от разговора ничего не сохранилось. В памяти остались лишь несколько новых па, ее улыбка, манера хватать за отворот пиджака, и — больше ничего.

И все же она мне очень понравилась. Было в ней что-то такое привлекающее. Короче говоря, мы с ней условились встретиться на следующую день. А в следующей выходной напарно ждал я ее в условленном месте: она не пришла.

Я написал ей письмо и вскоре получил ответ. Клава завала, что я ей надоел, и просила больше ее не беспокоить.
Прошел год. Все забылось. Этим летом я вновь встретил Клаву.

Стучилось это так. Я был в однодневном доме отдыха. Я стоял, курил и созерцал затопленную клумбу, раздумывая о том, куда лучше пойти: купаться или на влюблённую площадку. Вдруг кто-то ударила меня по плечу:
— Сколько лет, Коляка, сколько зима!

— А, это ты, Клава! Да, — говорю, — порядочно воды утекло. Ты, я вижу, не изменилась.
— Нисколько! А если и изменилась, то только к лучшему. Иначе и быть не может. Ты здесь один?
Она смеялась все так же звонко, как и год назад. Перемен в ней не чувствовалось никак: только стала, пожалуй, еще издичнее. Она опять начала шепетать, схватив меня за руку:
— А тебе нравится это танго? «Твои песни чудят, твои песни зовут...» Замечательное, правда?

Мы сели на скамейку в тени.
— Ну, рассказывай, как живешь? — начал я.
— ...Как женился, а если нет, то почему, — добавила она. — Живу ничтожно — по старому.
— Ага! Понятой. Значит, по старому — танцы, парк, веселые происшествия?
— А что же мне теряться, что ли? «Вери от жизни все, что можешь, ведь дважды жить не суджено!» Вот и приходится бегать скоро и состариться.

— Человек, Клава, для того и дана одна жизнь, чтобы прожить ее по-настоящему...
— В какую ты философию влез, Коляка!
Она помолчала и снова затрещала:

— Какой случай со мной был недавно! Познакомилась я с одним мальчиком. Пошла в Центральный парк. Парень, как являть, а танцевать не умеет. Стали около круга, стоим, смотрим. А тут Витка подходит, — может, знаешь его? — и приглашает меня. Я говорю своему парню: «Ты постой немножко, я только один танец». Он согласился. Мы пошли с Виткой. Танцевал, Витка говорит: «Что ты с ним связалась? Он как толень какой-то стоит!» «Да, думаю, действительно — толень!» А Витка говорит: «Пойдем на веранду!» «Ладно, говорю, только не сейчас, а немножко позже». Становились еще танца три. Парень мой, гляжу, заскучал и, наверно, смеянул, в чем дело, говорит: «Классичка, ты не устала?» «Нет, говорю, еще не устала. Еще один танец и пойдем». Тут Витка танцевал, а пока музыка играла, мы скрылись на веранду. Интересно было бы посмотреть, какое у него было лицо и сколько времени он ждал!

Клава рассмеялась. Я промолчал.

Она болтала много. Она рассказывала про себя, про своих подружку, про их приключения.

— А в ЦДКА сейчас на веранде «Дружок» и «Рассветанье» играют. Классически! Сегодня прямо отсюда — туда... Ну, ладно.

Она смеялась все так же звонко...

но, — она подыалась, — я пошла. Передавай привет нашим, когда снова увидишь Пока!
И она ушла, музыка «Твои песни чудят...»

В дверях магазина сталкивались два потока людей. Сверкали лотыры, разноцветными лампочками искрились новогодние елки.
Я узнал Клаву не сразу. Шляпка, шубка из каракули. Светло-золотистые волосы превратились

в белые. Сзади нее тащился человек с картонками и свертками. Поздоровался я с Клавой приветливо и сердечно.
— Познакомись, Коля, с моим мужем.
Человек со свертками выступил вперед.

— Ардик, — сказала Клава, — сбегай, милый, заклави торг. Постой, постой! Нужно купить, пожалуй, подкосо острены. А впрочем, иди — не надо...
Муж ушел.
— Ну, Коляка, рассказывай, как живешь? Новый год встречешь где-нибудь? А, встречаешь... А то заходил бы к нам, а? Становились бы с тобой постанция. У нас одна комната будто специально для танцев содана — большая и квадратная... А пластиночки — пальчики обложим: комплект Вадима Козина, есть и заграничные. Заходи...
— А что, никого из ребят не видишь?
— Представь, раз забавляю, посмотрели как с тех пор и носа не кажут.
— Работаете, Клава? Нет? И не скучаете?
— Да нет... Не особенно... То есть иной раз хочется поработать... Знаешь, вспомнить былые дни, а поговорить не с кем. Хоть с Джексом говори. Джек — это у нас человек. Такой великолепный, умный пел! Все понимает с одного слова. Но об этом, конечно, с ним говорить не станешь...
— Что же ты, всем довольна?
— Клава минутку помолчала.

— Конечно. Все нормально и досконально. Что мне еще надо? Лишь ее приняло озабоченное выражение:
— Делать сейчас, Коля, вагон! Прямо, заешь, так поухать можно! Затопил квартиру ремонтновер, после нового года нужно будет из обстановки кое-что купить... Или сейчас хорошеенькую шапку? Да, сейчас — у Ардиких масса. Книжки в замечательных переплетках... Представляешь, как будет винушительный, шикарный вид!
— В это время подошел Ардик.
— Ну, Коля, аходи. Поиграй за меня знакомых... И заодно привез им. Ну, пока!

Подхватив под руку мужа, она ринулась к выходу, лагура между людьми.
Таких девушек с девизом «Верни от жизни все, что можешь», действительно «берут» от жизни все. «Знания» этих девушек ограничиваются модными фокстротами и репертуром кино, а интерес сводится к покупке новых туфель. Они говорят обо всем, но они чрезвычайно ограничены, поверхностны. Под их лакированной наружностью скрывается абсолютная пустота.
Они стараются сделать свою жизнь «красивой». Для этого берет надевается как-нибудь по особенному, изобретаются уморительно-буржуазные, перекрашенные волосы. Для этого устанавливается скользящая «фокстротуриющая» походка: «я всегда танцую...»

Таких девушек мы встречаем довольно часто. Но разве задумывалась об этом эстетика, подобных Клав. Комсомольские организации, товарищи по работе!

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!..

Рисунки Н. ЛИСА

Перестраховщик

Острая сатира всегда была на вооружении революции. Партия большевиков и ее вожди Ленин и Сталин неизменно пользовались в своей борьбе с врагами рабочего класса бичующим словом великих русских писателей — Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова.

Порожденные капиталистическим строем Угрюм-Бурчеевы, Иудушки Головлевы, Пришибеы, Собакевичи, Хлестаковы, к сожалению, не исчезли окончательно вместе со старым, эксплуататорским обществом. Кое-кто из этих «героев» здравствует еще и поныне. Правда, они изменили свой облик, но натура их осталась прежней: мерзкой, отталкивающей.

Попробуйте слегка ковырнуть личину современного клеветника — и из вас глянет лицо гоголевского Собакевича, а болтун обернется щедринским Балаалайкинским.

Владимир Ильич призывал в свое время советскую печать от времени до времени вспоминать и цитировать на своих страницах Щедрина.

Художник Н. Лис проиллюстрировал несколько цитат из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина — и вот перед нами встали знакомые лица перестраховщика, подхалима, болтуна.

«Система моя очень проста: НИКОГДА НИЧЕГО ПРЯМО НЕ ДОБЫВАТЬ И НИКОГДА НИЧЕГО ПРЯМО НЕ ВОСПРЕЩАТЬ».

Н. ЩЕДРИН (М. Е. Салтыков) «По части женского вопроса».

Болтун

«Есть люди, которые не могут хранить в себе ни одной зародившейся в их голове мысли, ни одного известия, услышанного от других. Пока они не опорожатся, т. е. не расскажут того, что у них встало, по крайней мере пяти человекам, каждому особо, они не могут быть спокойны. Даже когда они, повидимому, твердо решаются не говорить чего-нибудь другим, вообще сохранить тайну, они не могут этого сделать. Их лишние мускулы и нервы, их телодвижения изменяют им. Сейчас видно, что их членство вост изкуства и требует немедленного опорожнения».

Н. ЩЕДРИН (М. Е. Салтыков) «Наша бура и непогоды».

Подхалим

«Делительной роли они не играют. Истает с места, когда входит начальство, и садится, когда оно уходит. Каждый начальник белым (красавец-мужчина), то они радуются; селел начальник маленький и модный, то в сущ не печалится, а говорит: «Путчика пенелачка, да воткак постерь»».

Н. ЩЕДРИН (М. Е. Салтыков) «Пестрые пистма».

ПРОДАВАЙТЕ использованные СТАБИЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

ненужные вам в текущем учебном году.

РОДИТЕЛИ и УЧАЩИЕСЯ!

ВСЕМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ КОГИЗ'а
производится **ПОКУПКА и ПРОДАЖА**
ПОДЕРЖАННЫХ СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

УСЛОВИЯ ПОКУПКИ и ПРОДАЖИ БЫВШИХ в УПОТРЕБЛЕНИИ
СТАБИЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ВЫВЕШЕНЫ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ КОГИЗ'а

Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24

Оформление В. И. Урина

Славо в набор 10/IV 1939 г. Подписано к печати 15/V 1939 г. Изд. № 423. Формат 72 × 110 см. 4 печ. л. 98 000 зн. в печ. л.
Уполномоченный Главлита № А — 7719. Технический редактор Б. М. Фейгин. Зак. № 1149. Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24

Цена 1 рубль

